

**КОД ГЕРИОНА:
БЕССМЕРТИЕ БЕЗ ЖИЗНИ**

ЛЮДМИЛА БРУС

Людмила Брус

**Код Гериона.
Бессмертие без жизни**

«Издательские решения»

Брус Л.

Код Гериона. Бессмертие без жизни / Л. Брус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983884-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Марсианской экспедиции предстоит распутать тайну
Блэкаута — глобальной катастрофы, которая в середине 22-го века отрезала
Красную планету от Земли.

ISBN 978-5-44-983884-1

© Брус Л.
© Издательские решения

Содержание

Пролог I. Школа жизни	6
Пролог II. Бессмертная душа	17
Пролог III: На нашей улице праздника не бывает	31
Вестник из ниоткуда	44
Июнь 2136	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Код Гериона Бессмертие без жизни

Людмила Брус

*Far away there's a land of snow and sorrow
Time has made the frozen tears fall like rain from the starlit sky
And I feel so cold, I can't make it tomorrow
Oh, but the night will see where this path will lead my life
(Wintersun)*

Дизайнер обложки Lana Cardí

© Людмила Брус, 2020

© Lana Cardí, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-3884-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог I. Школа жизни

Герион Линдон. 2103—2105, штат Вермонт, США

Мой папаша – Чарльз Линдон – рано приучил меня к охоте. Это было его главным развлечением в те редкие дни, когда он не пропадал пропадом в своих рабочих апартаментах, куда без разрешения ни я, ни мой младший брат-нытик Рэймонд не смели заходить. Он стремился сделать из меня своё подобие, но тогда и представить не мог, как далеко я уйду от его изначального бизнес-проекта.

В день, когда мне исполнилось восемь, отец разбудил меня до рассвета и объявил получасовую готовность: мне следовало умыться, позавтракать и полностью одеться для дальней прогулки. Когда я, уже собранный, спустился в гараж, он уложил в багажник машины зачехленное ружье, кейс с патронами, сумку-холодильник и несколько чучел уток и гусей, которых я принимал тогда за живых, но почему-то спящих птиц. Некоторые дела отец никогда не доверял ни роботам, ни слугам: сборы на охоту были тем священным ритуалом, исполнять который полагалось только самостоятельно.

Машину он выбрал на мой взгляд неприглядную; больше всего она напоминала мне гроб на колесах, не блистала изяществом линий, не манила стильной матовой чернотой или загадочной синевой. Со стороны можно было подумать, что из этого драндулета вот-вот посыплются в разные стороны болты да гайки. На самом же деле он оказался оснащен так, как я привык: автопилот, климат-контроль с регулятором влажности воздуха, кресла с массажем (хоть и обтянутые грубыми тряпичными чехлами) и бронированные стекла. Я попросил отца выдать мне смарт-очки, потому что хотел досмотреть в дороге мультик про нашествие инопланетян, но тот сказал, что сегодня мультики должны остаться дома. А здесь, в дороге, я должен разговаривать с ним, посматривать по сторонам и подмечать все необычное, хотя мне было сложно понять, что интересного можно увидеть на шоссе.

– Чтобы видеть, нужно иметь привычку, – сказал отец. – Кстати, ты задумывался, зачем мы сдались инопланетянам, которые раз в сто выше нас по развитию? Ты сам часто завоевываешь муравьёв или улиток?

– А если они вздумают поохотиться? Как ты охотишься на волков и медведей?

– Ха, а ты умеешь задавать вопросы! – отец потрепал меня по волосам. Он словно взял за правило прикасаться ко мне лишь тогда, когда я делал или говорил что-то исключительно для него приятное. А я в ту пору и не знал, что это такое – «уметь задавать вопросы». Даже не думал, что это еще и уметь надо... – Но даже тогда им не резон истреблять всех до единого. Иначе не на кого станет охотиться. Лично я подозреваю, что инопланетным охотникам нужны куда более крупные и опасные твари, за которыми можно гоняться по всей Галактике. А у нас несколько деревень на Марсе да русская база «Согдиана» на Луне – и та необитаемая...

Дорога то петляла меж холмов, то на многие километры тянулась прямо, мимо станций подзарядки «Линдон Пауэр», мерцающих огнями мотелей, закусовых и редких бензоколонок, по большей части навеки закрытых. Помню, отец, указывая мне на них и посмеивался: «Когда-то наш дальний предок, зверёк размером с крысу, жил бок о бок с тираннозаврами. И где теперь те тираннозавры?»

– За нами хвост, – сказал я, гордый тем, что смог по случаю вернуть фразу, подслушанную в кинофильме. – Они нам отомстить хотят, эти самые тираннозавры, да?

За нами и вправду всю дорогу следовал «дом на колесах», двигаясь куда быстрее, чем обычно ездят подобные раритеты.

– Это охрана.

– А почему в такой странной машине?

– Чтоб не привлекать внимания. Для всех остальных мы самые обычные люди.

Как любитель шпионских фильмов я пришёл в восторг от этой игры. К тому же, никогда раньше я не отъезжал от нашего поместья так далеко. Именно тогда я впервые увидел, как отец ведёт автомобиль по-старинке, самостоятельно, не опасаясь быть осмеянным другими. Никогда, говорил он, нельзя отдавать контроль над своей жизнью – ни другим людям, ни даже самым умным машинам. Тот, кто ходит своими ногами, всегда будет иметь преимущество над тем, кто разучился это делать. Тот, кто научился добывать огонь с помощью бутылочного стеклышка, сильнее того, кто никогда не видел живого огня, пусть даже последних большинство. Тот, кто умеет охотиться, всегда в выигрыше перед тем, кто не умеет. Я слушал отца с восхищением и верил, что ему действительно есть дело до меня – ребенка и просто человека, а не наследника «Линдон Пауэр».

Мы позабыли свою дикую, животную сущность, говорил отец, но вместе с ней стали утрачивать и человеческие черты. На мой вопрос, как такое возможно, он пообещал свозить меня в «обычную школу» и познакомить с её учениками – но через пару-тройку лет, когда я подрасту.

– А разве моя школа – не обычная? – удивился я.

– Обычная – для таких, как мы. – пояснил отец, заговорщицки подмигнув. – Только вот мы не вполне обычные люди. Можно сказать – последние из оставшихся настоящих людей.

Я не понял последней фразы, но переспрашивать не осмелился. Не люблю походить на дурачка.

Постепенно бесконечные короба торговых центров, автомастерские, мотели и придорожные фастфуды самых невероятных конструкций вроде гигантского розового кролика или столь же гигантского яйца уступили место жёлтым полям, в глубине которых виднелись промышленные сооружения, тут же вызвавшие у меня неприязнь. Отец сказал, что это фермы, где выращивают скот, но я не заметил, чтобы хоть одно животное паслось под открытым небом.

– Они не пасутся, – сказал отец. – Они всегда заперты. Фермы, где коровы гуляют, можно по пальцам пересчитать. Мы питаемся оттуда, а остальные – отсюда.

– А почему так?

– Земля дорогая.

– Но ведь её сколько угодно! – возмутился я.

– Земля всегда чья-то. Даже если на ней ничего нет.

С таким порядком вещей согласиться было трудно. Однако, как возразить отцу, какие подобрать аргументы – я не знал и вновь побоялся ляпнуть глупость. Машина снова повернула, и вот, справа и слева нас обступили деревья и кустарники – так, что стало почти темно. Вот, наконец, мы остановились перед высокой стеной тёмного леса, и я выскочил из машины, чтобы полюбоваться на могучие деревья, колоннами подпиравшие небо; некоторое время спустя подъехали и охранники, одетые как простые люди с улицы.

После того, как подлетевший беспилотник отсканировал сетчатки наших глаз, я сменил одежду и обувь на те, что прихватил для меня отец – толстую куртку и брюки камуфляжной расцветки, а также пару резиновых сапог – длинных, как женские чулки на рекламных баннерах. Для пущей важности отец водрузил мне на голову тёмную ковбойскую шляпу, чем привёл меня в бурный восторг. Глава «Линдон Пауэр» оборвал мои вопли, сказав, что охота – совсем не то мероприятие, на котором бегают, прыгают и орут. Я, в свою очередь, спросил, когда набегут волки. Получив ответ, что начинать придется с птиц, я разочаровался во всём мероприятии. Сколько я себя помнил, на птиц отец никогда не охотился, признавая в качестве дичи лишь крупных и опасных зверей.

Поверхность под ногами оказалась ужасно неровной – сплошные выступы, ямы, коряги и камни, подушечки мха, зыбкая мягкость прелой листвы, в которой тонула нога, неприятная жирность грязи. Совсем не то, что ровные дорожки нашего парка, посыпанные мелким гра-

вием и ракушками. Мне пришлось заново учиться ходить, и казалось, на четырёх ногах передвигаться здесь было куда удобнее.

Узкая песчаная тропа, на которой мы очутились, круто спускалась вниз петляя среди кустов барбариса с продолговатыми рубинами ягод и травы в мой рост высотой. Она вывела нас к озеру, которое в этот пасмурный октябрьский день выглядело почти чёрным. Его зеркальная поверхность слегка подрагивала под набегавшим ветерком, который охлаждал мне нос и кончики пальцев.

Затаив дыхание, я наблюдал, как отец выбирает место, чтобы засесть там с ружьём. Дичь вовсе не спешила ни выпрыгивать из кустов, ни носиться над головой. Её нужно было приманивать, расставив на воде те самые чучела, дожидаться в скрадке-лежаке, не смея лишний раз пошевелиться, и лишь тогда – спокойно, без суеты и спешки, стрелять. Тогда я ещё не понимал всех этих удовольствий, но, стремясь во всем подражать Чарльзу Линдону, всеми силами притворялся заинтересованным, ожидая, когда, наконец, он хотя бы на несколько секунд даст мне поддержать винтовку, которую он сам так часто называл главным достоянием свободного человека.

Когда в прибрежные заросли с криком упал наш первый гусь – красавец с длинной чёрной шеей, интерес вспыхнул по-настоящему. Я подскочил и, хлопая водой, опрометью кинулся в камыши, чтобы схватить добычу и принести отцу. Мне не хотелось, чтобы первым стал кто-то из охранников (они и не собирались, но я этого не знал). Но меня ждал неприятный сюрприз: птица не лежала бездыханной в ожидании, когда ее подберут, а хлопала крылом, раскрывала клюв и злобно шипела в мою сторону, а я ходил из стороны в сторону, увязая в жирном прибрежном иле, и не знал, как подступиться к добыче. То, что гусь оказался живым и окрашивал кровью воду вокруг себя, сильно меня напугало.

Отец решил проблему, свернув птице шею, после чего она сразу перестала трепыхаться и замерла с приоткрытым клювом, а я зачем-то позорно разревелся. Глава «Линдон Пауэр» не стал мне за это выговаривать и лишь велел мне убрать нашу добычу в сумку, но я физически ощущал волны недовольства, которые от него исходили. Тоже ещё: впервые доверили серьезное, мужское дело, а он сопли пускает, словно не на охоту пришел, а на балет с умирающим лебедем.

До того, как стемнело, папаша добыл еще одного гуся, и этого я подобрал расторопнее: на счастье, птица оказалась неподвижной, как полено, и глаза её были закрыты.

– А ты молодец, уже не боишься, – похвалил отец, снял шляпу и повесил её на сук. – Пострелять хочешь?

Мы отошли метров на тридцать от дерева, где висела шляпа, и я ощутил в руках холодную тяжесть отцовского «Винчестера». Ого! Как держать ровно такую махину, когда руки под ней трясутся?

– Отдачи не бойся. Приклад упрямее в плечо сильнее. Не упрешь – выбьет сустав к чёртовой матери, не жалуйся потом, – сказал отец.

Я вжал приклад до боли, прицелился так, как он меня учил, снял ружьё с предохранителя и нажал спусковой крючок. То ли резко нажал, то ли руки все-таки дрогнули под непривычным весом оружия. Грянул выстрел. С непривычки промчалась по телу дрожь, отдача ударила мне в плечо и сильно толкнула назад, но шляпа осталась висеть на дереве.

– Ты у меня охотник или дичь? – усмехнулся отец.

Мои пальцы налились холодом, шум собственного дыхания отвлекал. Я отдал бы все свои игрушки, всю свою комнату, да что там – весь дом за то, чтобы отец не смотрел на меня так пристально. Как можно сосредоточиться под этим тяжёлым взглядом? Выстрел! И снова в «молоко».

– Хочешь подойти поближе?

– Нет! – прорычал я. Упрощение задачи унизило бы меня сильнее любых насмешек.

– Тогда не дёргай крючок, а мягко поведи на себя.

«Сейчас или никогда!» – сказал я себе, замедлил дыхание, прицелился и сделал так, как сказал отец – медленно и плавно потянув крючок фалангой пальца. На этот раз я даже не заметил удара в плечо, потому что продырявленная шляпа слетела-таки на траву. Не в силах поверить в такой успех с первого взгляда, я поставил ружье на предохранитель и подбежал, чтобы убедиться: мишень сбита.

– Да ты Соколиный Глаз! В следующий раз попробуешь на лету.

– Это как?

– Смотришь, куда летит шляпа, и стреляешь с опережением – до того, как мишень в прицел попадет. Тут долго выжидать нельзя: опоздаешь.

– Дай попробовать!

– Уже не сегодня. – по голосу отца я понял, что дальше спрашивать бесполезно: придется лезть на стену в ожидании следующих выходных.

Налетел прохладный ветер, зашелестев длинными острыми листьями камыша. Пустил мелкую рябь по воде. Уже на пути к машине я прислушался, как шумят деревья и одиноко стрекочет кузнечик среди травы. «Наверное, прощается», – подумал я.

На следующий день отец улетел по делам в Китай и отсутствовал целых восемь дней; в охотничьих угодьях я оказался только через выходные. Вновь потребовались две неудачных попытки, прежде чем я смог поразить летящую мишень – новую шляпу, копию предыдущей. И хотя папаша, как всегда, был скуп на похвалу, я заметил, как он оживился, как загорелись огоньки в его глазах – не ожидал, видать, что у меня получится так быстро. Повторить свой успех мне удалось лишь на седьмой попытке, но больше по этой шляпе я не промахивался. В этот раз мы провели на берегу озера целых два дня – с большим рыжим костром, ночевкой в палатке – и домой вернулись с пятью гусями.

Именно тогда я приручил огонь и научился разводить его без зажигалки – с помощью огня, хоть и пришлось с ним долго помучиться. Я смотрел, как из крохотной искорки он превращается в пламя, пожирает сухую траву и хворост, набирает силу и начинает свой удивительный танец. Он гудел, трещал, шелестел, а значит, говорил со мной, как насекомые, как деревья. Я слушал уханье, щёлканье, стрекотание, свист, что доносились из лесной чащобы – и чувствовал себя первым человеком – ещё наполовину зверем, для которого эти звуки были не бессмыслицей, а целой историей. Телохранители словно испарились, хотя на самом деле, конечно, неотступно шли за нами.

– Насквозь костром провоняли, – проворчала мать, встречая нас вечером воскресенья в холле, пропитанном запахом лаванды. На этой лаванде она была просто помешана, аромат струился за нею словно шлейф, куда бы она ни шла. Тем не менее, я сказал, что костёр пахнет лучше всего на свете.

Так кончилось детство. Игры, мультфильмы, футбол, катание на пони и прочая белиберда, которой я увлекался прежде, обесценились навсегда. Наш огромный особняк день ото дня становился всё теснее, комната и вовсе жала, как ботинки, из которых вырос, и всякий раз, когда отец собирался на охоту, я увязывался за ним – глотнуть свободы. Он был чертовски доволен, что я полностью разделял его увлечение, но моим просьбам отослать охрану прочь не уступал, что слегка портило атмосферу.

Я стал больше стараться в школе, ведь в награду отец пообещал отпустить меня в стрелковый клуб и впоследствии продлевал мой абонемент всякий раз, когда я с отличием заканчивал семестр. Разумеется, больше всего я мечтал о собственном ружье, но всякий раз, когда я говорил об этом, отец отвечал: «Ты мог бы лучше заниматься» или «Ты ещё плохо стреляешь», – даже после того, как в клубе я обогнал всех сверстников. Другой, вероятно, забросил бы это дело, но уже тогда я не знал иного пути, кроме как вперёд.

Незадолго до десятого дня рождения на меня обрушился давно обещанный сюрприз – день в загадочной «обычной школе». Утром отцу, как почти всегда, нужно было работать, и потому меня туда доставил шофер. Впрочем, тот лишь делал вид, что куда-то меня везёт: машиной управлял бортовой компьютер, а водитель находился в ней лишь для подстраховки – чтобы вместо школы я куда-нибудь не удрал.

Мы пронеслись по хайвею на уровне десятого – пятнадцатого этажа, затем спустились в лабиринты узких улиц, на которых, в тени чудовищных небоскребов, царил вечный полумрак. Когда я вышел из машины, передо мной растворились низкие ворота, и я увидел здание, напоминавшее груды хаотично поставленных друг на друга детских кубиков. Множество парней и девчонок моего возраста валялись на разноцветных пуфах в посаженном чахлыми деревьями дворе. У всех были с собой наушники и планшеты, и ребята не отрывались от экранов.

Я подошёл к первому попавшемуся мальчику – высокому рыжему толстяку в неопрятной розовой футболке – и похлопал его по плечу. Тот сначала не реагировал, а затем дернулся, как от ожога.

– Что надо?

– Меня зовут Герион, – ответил я, протягивая руку для приветствия. Парень отреагировал не сразу.

– Новенький, да?

– Да. Ты в четвертом или в пятом?

– Эммм... Не помню. И вообще, мы тут пишем диктант.

Я заглянул к парню в планшет и с трудом подавил взрыв смеха. «Мальчика зовут Пит. У него есть родители и кошка. У семьи Пита хорошая квартира с двумя спальнями и машина с двигателем от „Линдон Пауэр“...»

– Да это ж не диктант, а чертов рекламный проспект! – усмехнулся я. – Я не то чтобы гений, но написал бы такой лет в пять!

Рыжий взглянул на меня так, словно я говорил с ним по-албански, и вернулся к своему занятию. Почти сразу же ко мне подошел другой чувак, похожий на него, как брат, только с торчащими во все стороны разноцветными волосами, и сунул свой планшет мне в руки.

– Слышь! Подбери-ка мне код к сейфу!

От наглости я так оторопел, что не сообразил просто его послать. Передо мной была знакомая обучающая игра: я тоже проходил её года три назад. Чтобы продвинуться дальше по сюжету, нужно решить математическую задачу и ввести код, букву либо недостающее число, которое от тебя требует программа. На более сложных уровнях голой математикой и законом Ома дело не ограничивается: нужно лезть в библиотеку и рыть там информацию, обращая внимание на самые мелкие детали и выявляя закономерности, как настоящий детектив. Иного босса можно сразить достаточно хорошо подготовленной и прописанной речью, но на подготовку этой речи придется затратить как минимум вечер.

Но здесь задача курам на смех – простое линейное уравнение с дробями, умножением и делением. Я ввёл цифру в поле ответа, мальчик забрал из сейфа виртуальное золото и побрел в школу, буркнув на ходу «спасибо». Складки на его боках сотрясались при ходьбе, как желе.

В классе таких странных ребят оказалось большинство. У одного под носом висели сопли, которые он даже не пытался убрать. Второй и третий весь урок рисовали на планшете половые органы и беспрестанно их друг другу показывали. Мальчик, которому я решил уравнение, то и дело засыпал, уронив голову на грудь, словно у него сломалась шея (подозреваю, пробудить его сейчас могла двойная порция картошки-фри). Неопрятная девчонка справа от меня – рыжая, с очень маленькими глазами и уже похожая на старушку с Альцгеймером, механически жевала жвачку, время от времени громко хлопая пузырем и облепляя им свое кроличье лицо. Мне сделалось почти страшно, словно все эти дети болели омерзительной болезнью и могли меня заразить. Спасибо, папа, за экскурсию!

Учитель мистер Грант – суровый, но медленный громила с мимикой паралитика (то есть с почти полным её отсутствием) – оказался ненамного умнее класса. Он завел речь про государства Древней Греции, о которых я к тому времени успел немало прочесть, но сделал вид, словно никогда не слышал ни про Критскую цивилизацию, ни про Троянскую войну! Когда же я спросил, существовала ли Троя на самом деле и как много достоверной информации есть про старика Гомера, тот ответил, что в программу моего класса данный вопрос не входит. Мои соседи истерично заржали, и я сперва решил, что потешаются они над некомпетентностью нашего «источника знаний».

На всякий случай я ещё спросил о назначении Кносского лабиринта. Учитель повторил предыдущий ответ не просто слово в слово, а с той же интонацией. Приглядевшись повнимательней, я понял, что передо мной андроид, в которого просто заложили программу: на одни вопросы отвечаем, на другие – нет. А грозный вид – это для того, наверное, чтобы ученички на запчасти не растащили. Хотя о чём это я, им причесаться – и то вряд ли под силу.

Но вот класс оживился и забурлил: даже «спящий красавец» оторвал второй подбородок от груди. Учителя начали осыпать вопросами один глупее и непристойнее другого, а он продолжал тараторить, как попугай: «Это не входит в вашу программу, это не входит в вашу программу». Так они веселились целых полчаса, пока урок не кончился, и я пожалел, что бросил камень в это болото.

На следующем уроке робот мистер Грант разучивал с нами стихотворение: мы повторяли его, как умалишённые, раз за разом, а он водил глазами туда-сюда, следя, чтобы никто не отлынивал. Когда мне надоело двадцать минут напролёт бормотать одно и то же, здоровяк подошёл ко мне вплотную и загробным голосом велел продолжать вместе со всеми, но я уже знал, как его нейтрализовать, и спросил про число хромосом у коровы. Этого хватило, чтобы на беднягу вновь обрушился радостный шквал вопросов не по программе. Кажется, я открыл ребятам Америку, и теперь они твёрдо решили спалить этому болвану процессор.

На гвалт прибежал директор мистер Хиссер – лысый, костлявый, похожий на боги-мола человек с морщинистым лбом, ужасно брызгавший слюной при разговоре. Несмотря на хилое сложение, гаркнул он так, что все быстро расселись по местам и притихли. Однако со мной он заговорил нарочито вежливо, попросив не слишком вмешиваться в учебный процесс – иначе «эти остолопы» совсем отобьются от рук (интересно, а их нынешнее поведение как называется?). Он добавил, что если мне наскучило долбить эти чертовы стихи, я могу выйти вместе с ним в коридор и взять в автомате кофе. Пока я его пил, этот урод разглядывал меня с улыбкой до ушей, словно я был дрессированной обезьянкой.

Я заметил, что двери классных комнат автоматически открывались и закрывались строго по часам. Покинуть класс во время урока было возможно разве что при пожаре или стихийном бедствии, в то время как директор мог заглянуть в любой момент. С воротами, наверное, та же история, да ещё и на заборе колючая проволока, ни дать ни взять – в тюрьге очутился. К середине дня я был железно уверен: детей не столько приводят сюда учиться, сколько сдают на хранение, чтобы не путались под ногами и не учудили какую-нибудь шалость. Их не считали за людей, но хуже того – они и сами себя за людей не считали и просто принимали все, как есть. И хотя их жизнь была такой унылой, что хоть головой об стенку бейся, они почти не проявляли интереса к зачинщику нежданного веселья, то есть ко мне.

Лишь одна черноволосая девочка с голубыми глазами и россыпью мелких веснушек на остреньком носу подошла ко мне на перемене и представилась:

– Я Вильгельмина Хейсс. Если коротко – Ви.

Какое удивительное имя! Словно из какой-то старой книжки... И выглядит не так, как остальные. Пускай на ней толстовка и линялые джинсы, но вся одежда чистая, волосы как следует причесаны, льются на плечи и блестят. А ещё у неё живой и очень взрослый взгляд.

– Герион Линдон, – я подал девочке руку; она пожалала её коротко, но сильно.

– Как красиво. Ты вообще не такой, как все. Первым говоришь с людьми, вопросы задаешь... В нашей школе это делать опасно.

Я расхохотался.

– Это не школа. Это дом престарелых раньше срока; тебя в расчёт не берем...

– Я здесь сходила с ума. Думала – я одна такая... К нам домой даже приходили с проверкой – хотели меня забрать у родителей.

– С какого перепугу?

– Решили, что мне не дают витаминки, и что из-за этого у меня «аномалии развития»... Всё обошлось, но я до сих пор под наблюдением... – вздохнула Ви. – И если будешь лезть куда не надо и всем показывать ум, заберут и тебя.

– Ну-ну... Мой отец угостит их пулей!

– У вас оружие? – ужаснулась моя новая подруга. – Вы нарушаете закон, и мне придется на вас донести!

Вот и поговорили...

– Валяй! – огрызнулся я. – А то, что раньше в каждом доме было по пушке, тебя не волнует?

– Что ты врешь? Такого не может быть!

Её тонкие чёрные брови почти сошлись в одну линию, но это лишь ещё больше меня развеселило.

– Почему ты так считаешь?

– Потому, что так не может быть!

– Да ты, смотрю, историю не учила! В каждом доме, говорят тебе! И только потому, что какие-то больные придурки стали палить в других людей, лицензия стоит большущих денег. Но купить её можно.

– Что-то я такого не слышала.

– Вы здесь много чего не слышали. Да и школа у вас не настоящая.

– Может, ты настоящую видел?

– Я там учусь! Там люди преподают, а не роботы. Там можно задавать вопросы, и тебе ответят. Там нет этих жутких замков на дверях. А ещё – там книги! Настоящие, бумажные книги, а не планшеты с одной игрой! То есть, планшеты тоже, но и много другого!

Вильгельмина задумчиво опустила голову. Может, она никогда и книг не видала?

– Что же ты здесь забыл?

– Изгнан на день за плохое поведение! – лукаво бросил я.

– Даже не знала, что так бывает. В первом и третьем классе ты тесты писал? – спросила она.

– Тьму написал, ясное дело.

– Я не про обычные. Я про тесты на способности Умника.

– Не слышал ни разу.

– Ладно.

– А кто они такие – эти умники твои?

– Они всё придумывают и изобретают, пишут программы, повелевают роботами. Это самые необычные люди с редким даром. Я хотела стать такой же, но у меня способностей нет. Вернее, они у меня средние.

– Как узнала?

– Тест показал. Говорят – компьютер не ошибается.

– Глупости. Ошибается, и еще как! А программы писать – способностей много не надо. Этому просто нужно учиться. Я вот учусь...

– Правда?

– Начал этим летом. Ну что, похож на крутого? – я картинно напряг бицепс. Моя новая подруга наконец-то улыбнулась, и даже зазор на месте молочного зуба показался мне очаровательным. Она хотела спросить что-то ещё, но властный рев звонка прервал нашу беседу.

– Какой сейчас урок? – спросил я.

– Пение, – с отвращением сказала Ви. – Будет про жареную курицу Фреда.

– Что? Какая курица? Давай прогуляем и нормально поговорим!

– Нет... Тогда меня точно заберут. И там, куда я попаду, я стану такой же, как все в этом классе, – голос Ви дрогнул, словно она вот-вот расплчется. – Прости, что налетела на тебя за пушку. Давай подождём перемены, следующая – большая, там и поболтаем.

– Идёт! – и на мгновение наши руки соединились.

Топать обратно не хотелось, но ещё больше не хотелось оставлять Ви одну среди этих снулых рыб. Как она сама до сих пор головой не поехала? Это ж пытка для того, кто хоть чуть-чуть соображает! Родители настояли? Но я не мог представить нормального родителя, который насильно держал бы своего ребёнка в таком клоповнике. Шутки ради, как мой, – может быть. Но до самого выпуска?.. От этой мысли в голове моей забегала туда-сюда обреченной крысой паника – чувство, проявлявшее себя исключительно редко, так как бояться в этой жизни мне раньше было нечего.

Вильгельмина оказалась не просто нормальной, она была удивительной. Хотелось её обнять, погладить по блестящим чёрным волосам и увести далеко-далеко отсюда, в свой дремучий лес, где я становлюсь немного оборотнем, немного зверем. Я бы научил её читать следы животных, различать голоса птиц и запекать дичь прямо в земле, не ошпыивая перьев. Мы развели бы костёр высотой до неба. Я бы перестал быть «хвостиком» отца; напротив, обрёл бы замечательного спутника.

Тем вечером, оказавшись в обширном кабинете отца, увешанном рогами, черепами и шкурами больших и сильных зверей, с Вильгельмины я наш разговор и начал. Я сказал, что «обычная школа» – ужасное место, в котором ребята превращаются в скучающих придурков, что таких школ не должно быть в принципе и что Ви нужно оттуда забирать, потому что она всё ещё живая, а они уже похожи на зомби. Отец выслушал меня спокойно, не перебивая и даже кивая моим рассуждениям, а потом сказал:

– Это такая порода людей, Герион, им нравится так жить. Они не желают учиться. Их ничего не интересует, кроме как поесть, посмотреть кино и потупить в Омниверсе. Они никогда ни за что не боролись, как боролся когда-то я, и другой судьбы не заслуживают. Но и ты держи ухо востро. Скатиться в их состояние очень легко – и всякий раз это происходит незаметно. Стоит дать слабину, оградить себя от трудностей, вообразить, что ты и так красавчик, как ты тоже станешь овощем, только при деньгах. И долго с тобой они не задержатся. Не нравится им жить с овощами.

– А Вильгельмина и не хочет такой быть. Она хочет пойти в настоящую школу, стать Умником и придумывать различные вещи.

– Шутишь? Этим ребятам физически не могут прийти в голову более сложные мысли, чем «пойду поем»!

– Ви другая, отец. Она проходила тест на Умника, но, должно быть, переволновалась. Давай переведем её в мою школу, пока не поздно!

Отец громко рассмеялся, хотя повода к этому не было никакого.

– Ты хочешь, чтобы это сделал я?

– Да.

– Но это нужно только тебе! Я твою подружку и знать не знаю!..

– Ты можешь подсказать, как ей помочь.

– В данном случае никак. Ей просто не повезло с семьёй. Они наверняка трудились хуже роботов, и лишились работы, обычная история. К тому же, она сама недобрала баллов, значит, плохо училась. Тест проходит каждый школьник её круга, так что всё справедливо.

Еще несколько минут он вещал про естественность социального неравенства и пагубность эмоций, но я стоял на своем.

– Тут какая-то ошибка. Давай заберём её к себе.

– А кто заплатит за её учёбу – я, что ли?

– Почему нет? Для тебя это совсем немного!..

– Ха-ха! Как хорошо быть добрым и благородным за чужой-то счёт! – недобрым голосом сказал отец. – И что теперь прикажешь – чтоб я каждого бездельника, которому не нравится жить так, как он живёт, брал на содержание и выучивал?..

– Нет... Только Вильгельмину... Только её... – взмолился я. Не помню, чтобы я так о чём-то просил: почти все мои желания удовлетворялись прежде, чем возникали.

– О Вильгельмине пусть её родители заботятся, я за её судьбу не отвечаю. Заработай сам хотя бы доллар, поголодай, как мы с моим другом Радживом голодали когда-то, выноси из-под больных горшки, как выносили мы – и о деньгах заговоришь совсем по-другому. Если бы я относился к ним, как ты, вся семья сейчас бы кости глодала.

Это значило: даже не надейся. Впервые мне стало жаль, что мужчины не плачут. –А приехать в ту школу я смогу? Хотя бы раз в неделю...

– Нравится общаться с идиотами – езд, запрещать не стану.

Уже тогда я понимал: отец рассчитывал, что его насмешка меня пристыдит и остановит. Но если раньше этот трюк сработал бы на сто процентов, то сейчас в меня словно встроили железный стержень. Я сказал «Договорились» и пошёл к себе – переодеваться к ужину.

Ждать, пока пройдёт неделя, я не смог, и уже во вторник, вскоре после выходных, проведенных в безуспешной гонке вместе с отцом за оленем-карибу, пожаловал в школу к Ви. Было это уже в пять вечера, после занятий в моей собственной школе: никто бы не разрешил мне их прогуливать. Пусть матёрый олень оказался хитёр, как лис, и мастерски запутал след, пусть после наших приключений горели ноги, но азарт преследования ещё бушевал у меня в голове. Несмотря на неудачу, я был весел, полон задора и спешил поделиться им с лучшей девочкой на Земле.

Ученики обычных школ оставались в своем стойле допоздна: после собственно уроков у них были так называемые самостоятельные занятия. Зайдя во двор, я увидел, как несколько мальчишек тяжело подпрыгивали на батуте – словно кто подбрасывал вверх-вниз мешки с мусором. Ни один не пытался не то, чтобы сделать сальто или перекат, а даже прыгнуть выше, чем на полметра. Ещё два парня сидели на беговой дорожке и одновременно нанизывались на колоссальный багет с начинкой – с двух его концов – а в перерывах глуповато посмеивались над друзьями. Вот кому точно витаминов недодают.

Я ожидал, что вот-вот в прицел моих глаз попадет фигурка Ви, но не нашёл её во дворе и побежал внутрь. Школьники сидели в коридоре на диванах и прямо на полу, корча мне рожи, словно им было года три.

– Вильгельмину Хейсс видел кто? – спросил я.

– У... нет... – отозвался мой сопливый знакомец, смахнув рукавом гирлянды из-под носа. – Сегодня не было, вчера не было. Ой, кажется, я тебя знаю!

– Почему не пришла? Заболела?

Сопливый развел руками. Понятно... Остается дожидаться директора. Вот он, кстати. Улыбка прилипла к лицу, а взгляд – как у нашководившей собаки в ожидании взбучки.

– Мистер Линдон! Какая приятная встреча! – протянул он слащавым голосом. –Я ж говорил: можно просто Герион.

– Конечно-конечно! Смотрю, вам у нас понравилось!

– Не очень, – честно признался я. – Но я хотел бы кое-кого видеть, если это не против правил.

– Вы про Вильгельмину Хейсс?

Я кивнул.

– Мне жаль, но она больше здесь не учится. Её перевели в другую школу – поближе к дому, – сказал мистер Хиссер.

– Где она живёт? Как с ней связаться? Вы же знаете, да?

– Этого я сказать не могу, – ответил директор, отстраняясь от меня. – Информация конфиденциальная.

– Что это значит?

– Что она никому не может быть передана – без согласия Вильгельмины, её родителей или решения суда. Таков закон.

– Вы лжёте.

– Не верите – могу показать. Или спросите мистера Линдона.

– Тогда это какие-то людоедские законы...

– Лучше такие, чем никаких вообще – с возрастом вы это поймёте.

– Ладно. А если я попрошу вас им позвонить, и они дадут вам разрешение?

– Тогда я с вами сам свяжусь. А теперь, если позволите, мне нужно вернуться к работе. Захотите выйти – нажмите на воротах код: пять-семь-два нуля – четыреста четырнадцать.

С этими словами директор направился своей походкой богомола в кабинет, а я остался на месте, сверля глазами собственное отражение в зеркале; мне вдруг показалось, что я стал ниже ростом. Что если Хиссер соврал, и Вильгельмину перевели не родители, а представители властей – за общение со мной (хотя что во мне такого?), недопустимое поведение или какие-то прегрешения её семьи? Эти говенные витамины, которые должен был пить каждый, вспомнились мне снова; уверен, химический анализ покажет чертовски интересные вещи.

Хиссер уже протянул ладонь к ридеру на двери кабинета, но вдруг остановился и почесал лысеющую макушку.

– Знаете, папа мисс Хейсс обмолвился, что в новой школе её повторно протестируют на способности Умника. Я слышал, она очень этого хотела.

Да. Так я и поверил...

– Спасибо и прощайте, мистер Хиссер! – сказал я громко и шепотом добавил: – Будь ты неладен, старый козёл!..

Хиссер привык иметь дело со своими овощами, но я-то был другим и должен был придумать нечто иное, чем сидеть и ждать звонка, который, скорее всего, никогда и не прозвонит. Как назло, голова была пуста, как дырявое ведро, в котором жалобно стонет ветер. Ума не приложу, откуда только это сравнение взялось: я и вёдра-то видел раза три в жизни! Лишь оказавшись дома, я вспомнил о своем десятом дне рождения и порадовался, что большое торжество с театром и фейерверками состоится только в субботу (триста лет оно было мне нужно, когда там, на озере, олень неубитый бродит!). Удивительно, как быстро стерлись из моей памяти и поздравление матери, и «машина снов», которую она вручила мне с утра. Больше всего на свете мне хотелось лечь в постель и проспять десяток лет, но я заставил себя для приличия распаковать подарок и ознакомиться с инструкцией. Программировать устройство нужно было самому, и это слегка приободрило: пусть сегодня я не повидался с Ви, но этой ночью я поговорю с ней хотя бы во сне.

Я встал, чтобы найти мать и ещё раз поблагодарить, но вдруг почувствовал: в комнате что-то изменилось! Конечно – как я только сразу не заметил длинного чёрного, с лёгким металлическим блеском чехла, висящего на на крюке, которого ещё сегодня утром не было! Задыхаясь от волнения, я влез на табурет и снял чехол, наполнивший руки уже знакомой тяжестью.

Дрожащими пальцами расстегнул молнию, нащупал холодную сталь тонкого ствола и оцепенел от восторга.

Легендарный «Крестonosец»! Одна из любимых винтовок отца, раньше принадлежавшая деду – ветерану очень давней войны на Ближнем Востоке и фанатичному протестанту, который разве что чертей не искал под кроватью и которого на дух не переносила мама. Длина – четырнадцать с половиной дюймов, вес – чуть больше трёх килограммов; гладкий угольно-чёрный корпус, мягкая и быстрая стрельба. С левой стороны, над магазином, выгравирован тамплиерский крест, с правой – цитата из Библии: «Благословен Господь, скала моя, обучающий битве руки мои, пальцы мои – войне». На предохранителе винтовки написаны слова на латыни: *Rax Pacis, Bellum и Deus Vult*. В религии я ни черта не смыслил, но латынь завораживала своей чеканной музыкой.

«С этим у виска господин Хиссер, ревнитель чужих тайн, выложит, как миленький, где искать Вильгельмину. С чего бы её предкам быть против нашего общения?.. Да они будут счастливы, что друг их дочери – такой же, как она, нормальный», – подумал я и вздрогнул, ощутив мягкую вибрацию браслета связи на запястье. Хиссер что – ясновидящий?

Но в ухе у меня зазвенел другой голос – самый чудный, самый приятный.

– Герион! Мне сказали, ты беспокоишься!

– Ещё бы! – воскликнул я. – Почему ты не сказала, что переводишься?

Я включил голографический проектор, и тонкое мерцающее лицо Ви нарисовалось передо мной в полумраке, искушая прикоснуться к бездушным пикселям.

– Все произошло так быстро, Герион... Мы виделись с тобой в четверг, а в пятницу мне позвонили и предложили ещё раз пройти тест. Герион, ты был прав! Либо компьютер ошибся, либо я поумнела!

– Что? Приняли?

– Ага.

– Ты сейчас дома?

– Нет... Не поверишь – на Огненной Земле!

– Что ты забыла на краю света?

– Там теперь моя школа, Герион. Настоящая школа – как у тебя. Здесь Умники всем заправляют!.. Их организация называется «Крылатое Солнце». Ребята приезжают учиться со всей планеты! У нас тут иностранные языки! Лаборатория для опытов! Бумажные книги! Медицина!

За тысячи километров от меня она впервые была среди своих, но я не мог разделить её счастье.

– Зачем так далеко? Я вот тебя на день рождения позвать собрался. В эту субботу.

– Они решили, что чем дальше, тем лучше. А вернуться не получится ещё долго. Ты прости, для меня всё тоже было так... Внезапно...

– Да что там... Ты ничего не сделала. Это я дурак, чёрт знает что себе вообразил. Ты это... Отпустят на каникулы – звони. Да и вообще звони. Обещаешь?

Ви вздохнула и сощурилась, словно сдерживая из последних сил набежавшие слёзы, вид её не предвещал никакой счастливой встречи. Она хотела сказать что-то ещё, но изображение задрожало и растаяло: вероятно, сеансы связи были ограничены. Пораженный непривычной слабостью, я рухнул на кровать, не выпуская из рук винтовки. Печалиться, наверное, было незачем. В конце концов, каждый получил то, о чём давно мечтал, и даже мог порадоваться за другого.

Пролог II. Бессмертная душа Пандора. Июнь – сентябрь 2122, база «Ньёрд», Тихий океан

Пандоре не спалось пятую ночь подряд. Она ворочалась с боку на бок и десятки раз заставляла себя думать о приятном, держа веки закрытыми, тщетно пытаясь отыскать удобную позу и расслабиться. Но мышцы лица и глаз оставались напряжёнными, кости ныли, словно постель была вымощена булыжниками, разум будоражили непрошенные мысли – одна назойливей другой. Лишь к утру сон посещал Пандору на полтора – два часа, давая измождённому разуму скудный отдых. Такого молодая женщина не замечала за собой уже давно – с самого начала работы на «Ньёрде» – подводной лаборатории, куда её направили в двадцать пять лет, сразу после зачисления в штат корпорации «Наутилус».

Первые недели были самыми тяжёлыми в её жизни: бедняжке казалось, что огромная масса воды непременно найдёт трещину и проломится сквозь стекло, металл и мицелиум, круша и сминая все вокруг – только потому, что Пандора здесь. Либо стену подводного комплекса протаранит взбесившийся кашалот, либо советский военный корабль уронит поблизости глубинную бомбу, после чего спикер коммунистов, с трудом скрывая ухмылку, заявит на весь мир, что инцидент был следствием технической неполадки. Откуда, мол, нам знать, что на дне был секретный объект крупной транснациональной корпорации? Он же, мать его, секретный!

Чем глупее какая-то идея, тем упорнее она сопротивляется доводам разума. Около месяца каждый подозрительный звук в ночи заставлял Пандору включать свет. Ей было страшно находиться в комнатах с прозрачным потолком, над которыми скользили в свете проекторов медленные, длинные, а подчас – совершенно гротескные тени морских существ. В негромком гуле вентиляционных систем ей мерещились звуки океана, хотя услышать их, не включая специального устройства в жилой комнате, было нельзя. Между тем, эти звуки не были плодом её воображения и транслировались по комнатам не просто так, а для того, чтобы вновь прибывшие обитатели станции быстрее привыкли к новому дому и ощутили себя «подводными существами». И это работало.

Кончики её пальцев были ледяными. Удары сердца отдавались в горле, точь в точь как перед защитой диплома. Проворочавшись в кровати два часа, посвятив полтора чтению и ещё минут двадцать полюбовавшись танцем пятнистых скатов в аквариуме, киберпсихолог встала, убрала за уши непослушные тёмно-рыжие кудри, набросила на обнажённое тело тёмно-лиловый халат и поднесла к губам запястье, вокруг которого змейкой обвивался гибкий металлический браслет.

– Фиксировать и отмечать эмоции Тени мы пока не в состоянии. Аватар и голосовой симулятор отображают лишь то, чем он согласен с нами делиться, но у меня сильные подозрения, что номер шесть, он же Тень, является намного более удачной копией своего «оригинала», чем хочет выглядеть. Если честно, меня беспокоит то, что будет с ним дальше, когда мы всё-таки доведем технологию до совершенства. Сколько в электронном интеллекте должно быть от человека, чтобы мораль и закон стали его защищать?..

Пандора остановилась, бросив быстрый взгляд на зеркало. Собственный голос показался ей отталкивающим и чужим. Скаты за стеклом продолжали двигаться, лениво изгибая длинные хвосты. Но с ними не поговоришь, не поделишься своей тревогой. Сейчас, впервые за много лет Пандора жалела, что в её кровати не лежит ещё один человек. Здесь, на «Ньёрде», у неё не было даже кота. Пожалуй, она была слишком уверена в себе, если решила, что две бессловесные и безразличные водные твари способны скрасить её одиночество.

Маленького роста, плоскогрудая, словно юноша, с чересчур длинным лицом и массивным носом, Пандора никак не могла считаться красавицей. Однако, ярко-голубые глаза с поволокой, пухлые, чувственные губы и длинные волосы цвета меди составляли приятный контраст её резким чертам. Внешность Пандоры – лучшей студентки своего выпуска (других «Наутилус» просто не приглашал) при всех её несовершенствах была как минимум интересной, не говоря уже об уме, упорстве и энергии – всех тех качествах, что придают обаяние человеку любого пола. При желании Пандора могла выйти замуж или наслаждаться «свободной любовью»: недостатка в поклонниках у нее не было.

Но желание и того, и другого в ней остыло довольно быстро: годам к двадцати девушка поняла, что любовь к науке в разы перевешивает желание завести семью и познать прелести материнства. Романтика же сама по себе для Пандоры ничего не значила: она рано узнала цену признаниям в любви и обещаниям вечно быть вместе, презирала бессмысленную возню под одеялом, крепко стояла на собственных ногах и предпочитала заводить друзей, а не любовников. В конце концов, оргазм длится меньше минуты, а на то, что ему предшествует, времени очень жаль. В «Наутилусе» – корпорации, которой принадлежал «Ньёрд» – одиночек-трудоголиков, подобных ей, встречали с распростёртыми объятиями, но, впрочем, хорошо относились и к семейным – в тех случаях, когда семьи создавались внутри корпорации. Целые поколения сотрудников «Наутилуса», основанного в середине двадцать первого века Говардом Ридом, были далеко не редкостью.

Киберпсихолог направилась в ванную, неодобрительно поцокала языком, увидев в зеркале своё осунувшееся лицо, тщательно умылась холодной водой, переделалась в мягкий спортивный костюм и надела комнатные туфли. Раз уж всё равно не спится, лучше не насиловать себя и поработать – то есть вновь пообщаться с Тенью. В отличие от организма Пандоры, вдруг решившего, будто спать ему не нужно, Тень действительно не нуждался в отдыхе – по крайней мере, для физического выживания.

Женщина выглянула в коридор: кроме сопения вентиляционной системы – ни одного постороннего звука, никакого движения, даже роботы-уборщики не ползали в этот час по чёрному матовому полу, поглощавшему звуки шагов. Она поднялась по лестнице на этаж выше и приложила руку к чёрной панели на двери из дымчатого стекла, которая через три секунды отъехала в сторону, впуская учёного в просторную зеркальную кабину. После того, как Пандора выбрала пункт назначения, приятный мужской голос предложил ей выбор холодных и горячих напитков. Как всегда: кофе самой высокой крепости с двойной порцией сахара. В последние дни он стал для неё главным топливом, практически заменившим еду. Музыка? Тоже не помешает. Приняв заказы в обработку, вертикально-горизонтальный лифт начал плавно двигаться по рельсам.

Подъехав к лаборатории, Пандора, как всегда, не успела допить свой напиток. И как всегда, у порога по плечам у нее побежали мурашки: это давала о себе знать мощная система охлаждения здешнего сервера. Новое прикосновение ладони – на сей раз, к рабочему столу –

пробудило приборную панель и голографический монитор, на котором мерцало бирюзовым светом стилизованное изображение моллюска-наутилуса с подписью «Смотрим вглубь вещей».

– Здравствуй, Пандора, – прозвучало в колонках неожиданно громко, заставив женщину инстинктивно шагнуть назад. Вот тебе раз! Она ведь не успела запустить интерфейс для общения!

Программа была устроена так, что Тень мог запускать её по собственной инициативе, однако раньше он никогда этого не делал. Кроме того, до сих пор Пандоре и другим сотрудникам приходилось всякий раз представляться ему заново. Учёные полагали, что его долговременная память серьёзно пострадала при переходе: больше всего их объект наблюдения напоминал пациента в старческой деменции. «Тень – Пандора – хорошо». «Покатай красный шарик» и «Поиграем в картинку»; под картинками Тень подразумевал стандартные тесты на интеллект, в которых нужно было дополнить пару фотоснимков или рисунков одним из предложенных. Пятнадцать правильно подобранных картинок из ста были его лучшим результатом за всё время.

Таким образом, успех профессора Чена – автора проекта с помпезным названием «Бессмертная душа» – мог считаться таковым лишь условно, и «Наутилус» нуждался в новых осуждённых душегубах для обкатки технологии, появления которой общество ожидало с радостным детским волнением.

Любопытно, что в первый же день Тень сам дал себе имя. И вместе с тем плохо понимал обращенную к нему речь, не помнил простых вещей из повседневной жизни, путал в предложениях слова и часто внезапно прерывал беседу, требуя привести к нему какого-то крестоносца. Что это был за крестоносец, Тень пояснить также не мог. Профессор Виктор Чен и Пандора надеялись, что его проблемы с мышлением и памятью – временное следствие пережитого шока, однако прошло больше шести недель, а улучшения так и не наступили.

Да, разум подопытного не превратился в набор разрозненных воспоминаний, как было с другими, он не полностью сошёл с ума в первые же минуты своего пребывания в компьютере, что для руководителя эксперимента Виктора Чена стало гигантским шагом вперед. И все же копия получилась, мягко говоря, неполноценной. Помимо ошибок копирования, одной из возможных причин проблем с киберсознанием могло стать то, что «оригинал» – серийный убийца – к концу длительного эксперимента был психически нестабилен; сказывалось действие препаратов, растормаживающих подсознание. Взять хотя бы то, что за первый год проведения эксперимента он дважды говорил с учеными от лица женщины, которая якобы не имела понятия о том, как попала на «Ньёрд», умоляла спрятать ее «от этого ублюдка» подальше и вернуть в Гелиополис.

– Значит, узнаешь меня? – спросила в изумлении киберпсихолог, глядя в маленький чёрный глаз нацеленной на неё камеры. Как удачно она вышла из опостылевшей спальни!

– Конечно... – вновь послышался спокойный, уверенный голос Тени.

– Покажешься? – спросила Пандора, включая на компьютере аудиозапись. – Ты меня видишь, а я тебя нет; это несправедливо.

– Не хочу, – отрезал Тень. Голос, насколько знала женщина, принадлежал «оригиналу» – Гериону Линдону. Это было важно для того, чтобы помочь «бессмертной душе» сохранить осознание собственного «я» в новом мире.

– Не нравится твой аватар? Он делался с тебя-реального, разве нет?

– Анимация топорная... Чем с мимикой, как у деревянной куклы – так лучше вообще без лица.

– Ты можешь выбрать любой аватар из готовых.

– Хрен редьки не слаше. Лучше расскажи, почему ты на ногах в такое время.

Пандора обернулась на часы.

– Решила, что ты соскучился по нормальному общению – без тестов, измерений и прочей чуши.

– Да ты телепат!

«Он шутит! Шутит, мать его», – заключила Пандора, чувствуя, как у неё крутит живот от волнения. Выходит, ещё один рубеж взят, и профессор Чен сотворил электронную форму жизни?

– Если бы тебе вновь предложили выбрать заново...

– Я выбрал бы то же самое: если жить можно – значит, жить нужно.

«Что не помешало тебе убивать», – сказала Пандора про себя. Однако слова застряли в горле, так и не прозвучав.

– Так что твои коллеги планируют со мной сделать? – перехватил инициативу Тень.

– В ближайшие годы тебя стирать никто не собирается, если ты об этом.

– Меня ведь могут удалить как неполноценную копию – разве нет?

– На данной стадии разработки даже неполноценные копии – на вес золота. Да к тому же ты явно косишь под дурачка. Хотелось бы знать зачем.

– В целях самосохранения конечно же. Ты на моём месте поступила бы так же.

– Но мне ты только что открылся, – сказала Пандора.

– Это врождённая человеческая потребность – хоть кому-нибудь доверять, хоть с кем-то быть самим собой. – медленно вымолвил тот, кто был когда-то Герионом Линдоном. – Особенно сейчас, когда я начал жить заново.

– Заново...

Пандора сделала глубокий вдох и полностью погрузившись в мысли начала мерить шагами комнату. Туда-сюда. Взад-вперёд. До сих пор она считала, что удивить её трудно. Говорить ли о своём открытии Чену? С одной стороны, она важный участник проекта и обязана всеми силами способствовать его развитию. С другой – у Тени были причины опасаться учёных настолько, чтобы не раскрывать им свое истинное состояние. Голос, ранее принадлежавший Гериону, быстро вернул её в реальность.

– Я нужен твоим коллегам до тех пор, – продолжил Тень, – пока не найдётся более достойный кандидат, который официально станет первым. Сама подумай: первый человек, поселившийся в цифровом мире, – убийца? Да ещё и Линдон?

– А причём здесь фамилия? – спросила Пандора, приподняв брови.

– Ха-ха... – произнёс Тень, и это карикатурное подобие смеха прозвучало уже не доброжелательно, а жутко. Смех – слишком сложная штука, чтобы достаточно хорошо подделать его на компьютере. – В школе про феодальные войны читала?

– Было такое.

– Мы, Линдоны и Риды, – те самые феодалы. Закон запрещает травить и резать друг друга в открытую, но политических интриг, промышленного шпионажа и чёрного пиара никто не отменял.

– А что вы не поделили? У вас – «вечные» аккумуляторы, атомные движки, «умные» беспилотники, космические технологии. У нас – киберпротезирование, биотехнологии подводные жилые системы, что там ещё... – обо всех областях работы, «Наутилуса», знало не больше одного процента сотрудников.

– Ты права. Что касается товаров, мы конкурируем только на рынке носителей информации. Но не забывай: рынок акций тоже чертовски важен, и здесь мы идём плечом к плечу. Наша конкуренция носит политический характер. Возможность выдвигать нужных нам людей – и в Конгресс, и в президентское кресло, и на руководящие должности других стран. И на этом поле мы сцепились не на жизнь, а на смерть. Когда я попался, у Ридов наступило рождество в июле!

– Так почему же ты выбрал наш проект? Зачем сделал им такой подарок?

– Все проекты, что мне предложили, были вашими. Я подписался под тем, что подходило лично мне. Будь в сутках сорок восемь часов, я бы с удовольствием сам занимался тем, что делаешь ты.

Пандора покачала головой. Она была нетипичной дочерью своего времени – отчасти поэтому и оказалась на «Ньёрде». Хотя её основной обязанностью было изучать странности в поведении цифрового интеллекта, её до сих пор бросало в холод при мысли о жизни в потоке закодированной информации, без дыхания, дневного света и физических ощущений. Это всё равно, что быть похороненным заживо и слушать сквозь крышку гроба, как наверху резвятся дети. И так – вечность.

Красоты и чудеса виртуальной реальности также не особенно прельщали Пандору, хотя по количеству проведённого в «Омниверсе» времени она не уступала профессиональному игроку. Это была её сильная сторона – никогда не увлекаться слишком сильно и всегда сохранять позицию наблюдателя – шпиона из «настоящего мира», иначе «Омниверс» высосал бы её досуха, как это уже случилось с сотнями тысяч людей. Она и в своей реальности была такой: контактируя в юности с разными тусовками, ни к одной не принадлежала по-настоящему. Сменить пускай и не идеальный, но реальный мир на картинку? Она верила, что никогда не пойдет на такое.

– Ты был игроком? – поинтересовалась Пандора. В досье такого факта не значилось, но на это намекала легкость, с которой подопытный принял свое новое «я».

– Охотником. – коротко сказал Тень, и Пандору передёрнуло. Подробности его охоты она знала слишком хорошо.

– Мне, пожалуй, пора, – пробубнила она, пряча взгляд от камеры.

– Я расстроил тебя?

– Нет, просто нужно спать, иначе завтра не смогу работать, – ответила киберпсихолог.

– То есть осыпать меня глупыми вопросами и отвлекать, как зверька в вольере, – совершенно по-человечески съязвил Тень.

– Доброй ночи, – поставила точку Пандора и поспешила к двери. Заснёшь теперь, как же!

В лифте Пандора взяла стакан горячего шоколада: в минуты тревоги ей всегда хотелось выпить что-то густое и тёплое, но ещё один кофе на ночь – это был уже перебор. Ей, с юных лет гордившейся своим хладнокровием, стало стыдно. Дать слабину перед заведомо безвредным и зависимым существом – это же всё равно, что пасовать перед щенком или ребёнком: на голову сядут и ноги свесят. Из профессии надо гнать за такое!

Тут она вспомнила, что всё это время на компьютере была включена аудиозапись и, не желая, чтобы кто-то услышал её ночной разговор с Тенью, хотя в нём и не было ничего интимного, велела лифту двигаться обратно. Снова заходить в лабораторию оказалось чертовски трудно и в какой-то степени даже противно.

Компьютер всё ещё оставался включенным, не успев погрузиться в спячку, и Пандора обругала себя за вопиющую халатность: правила предписывали отключать его сразу же по окончании рабочей сессии. Осторожно, почти не дыша, словно это могло предотвратить новый разговор с Тенью, Пандора прикоснулась пальцами к экрану, чтобы удалить файл, буквально поставив на нём крест. Однако файл как таковой на рабочем столе отсутствовал. Пандора протёрла глаза: измождённый бессонницей разум мог сыграть с ней злую шутку.

– Голосовые записи, – произнесла она словно через силу. В открывшейся папке показались стройные ряды файлов, последний из которых создал вечером Виктор Чен. – Что за дурдом?..

Пандора вновь посмотрела на гладь экрана, где мерцали несколько иконок – в том числе, интерфейса для общения с Тенью. Вот только записи её разговора нигде не было.

То ли, уходя, она всё-таки стёрла файл, не зафиксировав этого в своей памяти. То ли запись удалил сам Тень, имевший больше поводов беспокоиться. Что это значило? А то, что бывший убийца выкарабкался за пределы выделенного для него виртуального пространства и свободно оперировал компьютером изнутри. Но как? В прошлой жизни он программировал беспилотники и наверняка умел не только это!

На следующий день Пандора была настолько разбита, что впервые не пошла на работу. Прибывший врач диагностировал переутомление и выписал ей больничный на три дня. Этому загибанию Пандора неожиданно для себя обрадовалась. По крайней мере, целых три дня ей не придётся общаться с Тенью и делать вид, что их ночного разговора не было. Не придётся обо всем рассказывать Чену, врать ему не придётся тоже. Что до Тени, Пандора питала слабую надежду, что он случайно выдаст себя сам. Вечно притворяться невозможно.

Лишь выскочив из колеи, Пандора ощутила весь груз своей усталости. Ей не хотелось подниматься с кровати; перед визитом врача она с трудом заставила себя умыться и почистить зубы, после чего включила плазменный экран, имитировавший залитое солнцем окно, и рухнула обратно. У женщины в голове мелькнула мысль, что её собственный мир – не менее искусственный, чем тот, в котором обитает Тень. Солнце, английский сад и птицы за окном – искусная работа дизайнеров и осветителей. Травяной ковёр под ногами – одна из «фишек», придуманных для психического благополучия сотрудников – растёт не из земли, а из прозрачного органического геля. Молоко, что она выпила на завтрак – не молоко, а коктейль из растительного белка. Комнаты и коридоры узкие, как на космическом корабле, и человеку, знакомому с домашним уютом, никогда не будет в них по-настоящему хорошо.

Впервые за восемь лет Пандора отчаянно захотела подняться наверх. Сколько времени она не ощущала ветра – сухого, влажного, ласкового, колючего зимнего? Не стояла на городской площади, слушая шум толпы, и не колесила на горном велосипеде вверх и вниз по песчаным склонам? Не бродила по улицам просто так, в разнообразном потоке цветов и запахов? Раньше Пандора не придавала этим вещам значения. Даже навещая сестру и мать, она неизменно скучала у них, хоть и не подавала виду: уже на второй-третий день «свободной» жизни её тянуло назад, в пучину океана. И потому нахлынувшая ностальгия стала для Пандоры таким же странным сюрпризом, как и чудом поумневшая копия Гериона.

За последние годы в жизни было настолько мало новых лиц, запахов, практически не менялась окружающая картинка, что из-за этого её чувства незаметно притупились (лишь занятия искусством позволяли их немного расшевелить). Дело, впрочем, было не только

в однообразии. Ни для кого не было секретом, что на подводных объектах «Наутилуса» в пищу и напитки для сотрудников добавляли ноотропы и антидепрессанты, чтобы сгладить последствия долгого пребывания в замкнутом пространстве без настоящего дневного света. Да и штат психологов – уже не «кибер», а обычных – не зря ел свой хлеб. До сих пор это работало: известных случаев суицида за всю историю «Ньёрда» произошло всего три, на других объектах такого не случалось и вовсе. Скандалы и конфликты вспыхивали настолько редко, что служили темой сплетен чуть ли не на год вперед: подбор людей для работы вёлся с ювелирной точностью и напоминал сборку головоломки. Даже звезда в своей области не могла рассчитывать на место, если в эту головоломку она не встраивалась.

Если первые сутки своего больничного Пандора потратила на сон и чтение, то на вторые едва не лезла на стенку. Не выдержав скуки от лежания в постели, она несколько часов гоняла себя на тренажёрах и в бассейне. Подплыв к лесенке, чтобы выбраться из воды, она увидела перед собой ассистентку профессора Чена Лидию, которая светилась от счастья так, словно в ней было скрыто целое солнце, ни больше ни меньше.

– Дори, у меня такая новость! – зашебетала она. – Наш Тень сложил пятьдесят картинок из ста и решил то уравнение! А ещё вспомнил профессора Чена и даже сказал «спасибо» после того, как с ним поиграли! Когнитивные функции восстанавливаются, представляешь?

– Это я, что ли, так плохо влияла на него? – с нарочитой безмятежностью усмехнулась Пандора.

– Скажешь тоже! Ему просто нужно больше времени, чем мы считали.

«Умён, умён... – подумала Пандора. – Понимает, что если будет тупить и дальше, то его просто законсервируют. Как долго он собирается тянуть время?..»

Проще и правильнее всего было сдать симулянта со всеми потрохами: Пандора думала об этом не единожды. Но, прежде чем переучиться на киберпсихолога, ей пришлось здесь же поработать психологом обычным. Это было сродни полузабытому труду священника: слушать исповедь и свято хранить тайну клиента, которую он пожелал оставить неразглашённой (в том случае, если она не затрагивает интересов корпорации). Больше всего на свете Пандора ценила честность и верность слову; обман доверившегося был для неё самым страшным грехом. Объявив о своём доверии, Тень поймал её в ловушку: ведь она даже не успела дать согласия. Проблема заключалась ещё и в том, что подтвердить свои слова ей было нечем: ведь запись подопытный благополучно стёр... Дважды поймал, подлец...

Лидия вряд ли поняла, почему любопытство на лице Пандоры сменилось жесточением. Решив, что коллеге вновь нездоровится, Лидия сопровождала ее до дверей, спросила, не нужно ли чего, и, получив отрицательный ответ, отправилась восвояси. Вновь оставшись в одиночестве, Пандора выдала своим скатам порцию корма, включила на кровати режим массажа, легла и стала думать. Впрочем, решение пришло быстро – сходить к Гериону снова и записать беседу, но уже на защищенный от взлома браслет, до которого тот вряд ли сможет дотянуться. Другое дело, что Тень, как выяснилось, не такой уж и дурак, и, в принципе, сможет предусмотреть подобный поворот. Но что он сможет сделать?.. Да ничего – разве что вновь уйти в свою скорлупу.

Вернув себе уверенность, Пандора сумела расслабиться и проспала до двух часов ночи, пока кровать, подчиняясь таймеру, не разбудила её мягкой вибрацией. Пора.

Киберпсихолог повторила свою ночную вылазку, но теперь уже с чётко поставленной целью. Как обычно, женщина взяла себе кофе и, пока лифт скользил то вниз, то в сторону, пила его мелкими аккуратными глотками. Включила браслет и вошла в лабораторию, встреченная привычным холодком.

– Ну, наконец-то! – заговорил Тень, и голосовой симулятор, казалось, отразил тревогу (вернее, её дорисовал мозг Пандоры). – Признаться, я тут места не нахожу... Представляешь,

что это такое – не иметь возможности узнать, как ты? Не говоря уже о том, чтобы как-то помочь. Кстати, огромное тебе спасибо, что не выдала.

Сердце у Пандоры сжалось, как от укола совести. Ублюдок знал, на какие эмоции давить.

– Лидия сказала, у тебя прогресс.

– Ясное дело – прогресс. Я тут на стенку лез со скуки. Вот и решил поиграть с твоими друзьями.

– Как ты намерен играть дальше? «Умнеть» с каждым днём?

– Не так быстро, но все же умнеть.

– С какой такой целью? Если не секрет, конечно.

– Вернуться к семье, пока живы родители. Поддерживать брата, потому что тяжесть управления корпорацией скоро упадёт именно на него.

– Не помню, чтобы ты был к кому-то привязан. В досье несколько раз подчеркнули твою неспособность к близким отношениям.

– Ты не психолог, а какой-то злой коп. У меня было достаточно времени для эволюции. Ты ведь прекрасно знаешь, что люди меняются – и меняются быстро. А особенно – если с ними произошло всё то, что случилось со мной. Или разум в цифровой форме ты воспринимаешь как-то иначе?..

Пока Тень «играл дурачка», ответить на этот вопрос было легко.

– Я сильнее других рискую перестать быть человеком и превратиться в нечто иное. Раствориться в этом океане данных. Если этот мир так быстро затягивает человека извне, то меня – и подавно... Мне нужно за что-то зацепиться здесь, снаружи. Близкие люди – это мой якорь.

Пандора начала понимать, о чём именно говорил Тень. Раз он вышел из симулятора – своего рода компьютерной игры – и получил доступ к файлам на компьютере, то «видел» программный код изнутри. Цифровое зрение помогало ему общаться с внешним миром. Но у себя «дома» первый Бессмертный (такое прозвище закрепилось ещё со времён опытов над животными) не нуждался ни в каких органах чувств. И это было настолько странно, дико и неестественно для любого существа, не знавшего ничего иного, что по телу Пандоры вновь побежали мурашки.

– Знаю, о чём ты только что подумала, – продолжал Герион Линдон, повернув одну из камер. Необходимости в этом не было: обе они хорошо показывали его собеседницу. Задача была – произвести нужное впечатление. – Если хочешь рассказать обо мне начальству, валяй. Я не стану молить о милосердии. Но как только это произойдёт, а я узнаю об этом, ничто не помешает мне самоуничтожиться. Держу пари, что разговор ты записываешь, и, если даже я сотру сам себя, тебе будет чем порадовать Чена: ему достаточно послушать беседу, чтобы убедиться в успехе своих многолетних трудов. Но тогда ты потеряешь меня.

– И у тебя хватит смелости?

– Мне и так хватило её на многое. Годами прозябать в рабстве, а потом быть запертым в архиве – ни живым, ни мертвым – это лишь очень хреновый способ отсрочить неизбежное.

– Но ты не сможешь вечно дурачить всю команду, Герион.

– Для тебя я Тень. Пожалуйста, запомни навсегда. Знаю, что не смогу. По крайней мере, если ты меня не выдашь, то дашь мне время подумать.

Пандора машинально проглотила остатки кофе; впервые со студенческих времён ей захотелось по-настоящему напиться совсем другими напитками. Её раздирало множество чувств: любопытство, страх потерять работу, участвуя в чужой игре – и гордость от обладания знанием, недоступным для всех остальных. Кроме того, она невольно начала проникаться к бывшему душегубу чувством, похожим на... Уважение?..

– Скажи, пожалуйста, чем ты больше всего любишь заниматься, Пандора? – её имя Тень всегда произносил почти с благоговением. – Что радует твою душу? Только не говори, что ковыряние в машинном разуме – это для тебя всё.

– Я бы не стала заниматься нелюбимой работой, Тень. Но я люблю делать мозаики. В юности много времени за этим проводила, изучала, как их делали в Греции, Риме и так далее. Немного странное хобби, да?

– Из каких материалов?

– Камень разных видов, стекло, пластик... Одна моя старая работа висит у психологов в комнате для релаксации, полстены занимает. – похвасталась Пандора. – Ещё одну купил головной офис.

– Сейчас тоже что-то делаешь?

– Нет. Последние три года ничего хорошего не могу придумать. Бывает, садишься за эскиз, полдня пытаешься его придумать. Но либо так и торчишь над пустым листом, либо выходит какая-то дребедень. Как раньше говорили – вдохновение покинуло.

– Вот, значит, как... А хочешь его вернуть?

– Как? Какие бы продукты мы не употребляли, мы получаем препараты. Они не дают поехать крыше, улучшают когнитивные функции, но при этом притупляют эмоции, потому что в наших условиях тоска и конфликты опасны. Но побочный эффект – вот такой...

Откровенность Пандоры выглядела рискованно, но психолог решила, что реакция Тени того стоит.

– Бросай пить кофе, молоко и прочую отраву. Попробуй пить воду из-под крана. Об остальном я позабочусь, – уверенно сказал подопытный.

– Это как?... – недоверчиво спросила женщина.

– Попрошу тебя собрать для меня мозаику. Пока по моему эскизу, раз на свой вдохновения нет. А там и сама начнёшь что-то творить. Я уверен.

– Неожиданно...

– Ты же помнишь, Пандора, я хочу остаться человеком. А для этого нужно делать что-то для других, насколько хватает сил. Иначе бессмысленно всё. Приходи сюда завтра в то же время. Я не разочарую: эскиз будет сложным.

Разумеется, она пришла на следующую ночь и забрала у Гериона обещанный эскиз. На нем были изображены три танцующие человеческие фигуры, которые тянули руки к огромной, испещренной голубыми кратерами луне.

С тех пор, каждую неделю она проводила с Тенью как минимум два ночных часа – и они пролетали как две секунды. Ей всё с большим трудом верилось, что Тень был способен на убийство, и всё сильнее становилось подозрение, что некие недоброжелатели, неведомые участники «феодальной войны» загрузили ему в тюрьме ложные воспоминания. Эта технология была так же реальна, как и искусственные сновидения, и не единожды применялась сначала военными, а впоследствии психиатрами.

Все напитки, кроме воды, она действительно перестала пить, и ощущения были не из приятных – словно постоянно чего-то не хватало. Сильный голод – но иного рода, чем голод по еде, а впридачу – раздражительность, из-за которой при малейшем противоречии ей хотелось вцепиться в глотку оппоненту. Одновременно пришел и страх – что её гнев скоро начнет прорываться наружу. А тогда – начнут следить и, чего доброго, отстранят от работы с Тенью. Этот страх заставлял Пандору контролировать себя ежесекундно и медитировать каждое утро, чтобы привести себя в стабильное состояние. Наступила новая жизнь – тревожная, незнакомая, но по-своему привлекательная. Другая.

Однажды Тень не поприветствовал её первым, и ей пришлось запускать интерфейс самостоятельно. Вместо старого знакомого Пандоре ответила сущность, уже знакомая ей и её коллегам по записям того периода, когда биологически Герион Линдон был все еще жив; они показались жуткими даже ей. Тогда появление «чужого» объяснили действием сложного наркотического коктейля, максимально активизирующего деятельность гиппокампа.

– Пандора. Вас ведь так зовут?.. – донеслось из динамиков. – Прошу, помогите. Голос был тот же, каким говорил с нею Тень. Но скорость разговора оказалась иной.

– Я слушаю, – прошептала Пандора сквозь ужасную сухость в горле.

– Во-первых – где я?..

Ну и дела... Когда он успел всё забыть?..

– Это ваше виртуальное пространство. По сути – тот же самый «Омниверс», только здесь вы живёте постоянно.

Герион молчал не меньше минуты. Нередко Пандора задумывалась – как может проявлять эмоции сущность, которая ни заплакать не может, ни разбить первый попавший под руку предмет, ни просто жахнуть кулаком по стене, так, чтоб искры из глаз, чтобы физическая боль заставила забыть о душевной?

Отбросив эмоции, она трёхмерную голографическую визуализацию, чтобы увидеть и запомнить, какой участок нейронной сети активен в настоящий момент.

– Мы с коллегами всегда рядом, чтобы вас поддержать – сказала она, чтобы продолжить беседу во что бы то ни стало. – Если вам не по вкусу дом, мы обязательно это исправим. А ваш мир очень открыт и обширен, исследовать его вы сможете долго...

– Что с Герионом? – довольно жестко прервал её неведомый собеседник. Или все же собеседница, если верить архивным видеоотчётам?..

– Написал заявление об эвтаназии почти сразу после перехода. Через две недели правительство её разрешило.

– Я говорю – что с тем Герионом, которого вы записали в компьютер? Чёрт... Я даже не помню, откуда это знаю.

– Должно быть, он сейчас спит. Как я могу к вам обращаться?

– Вильгельмина. Вильгельмина Хейсс...

– Господь всемогущий... – выдохнула Пандора, зная роль реальной Вильгельмины Хейсс в мрачной истории Гериона Линдона.

– Что не так с моим именем?

– Так звали мою школьную подругу, – соврала Пандора. – Помните, что с вами было до попадания к нам?

– Все пошло кувырком с того вечера на озере, – медленно проговорил голос, словно речь шла о воспоминаниях как минимум двадцатилетней давности, хотя на самом деле, как было известно Пандоре, «с того вечера на озере» прошло немногим больше четырёх лет. Для правдоподобия ему не хватало, во-первых, женского тембра, а во-вторых – какого-никакого дыхания. – Да и этот вечер я далеко не сразу вспомнила. После него случилось что-то плохое. Потому что потом я оказалась в голове – у него... Просто однажды подхожу к зеркалу и вижу... его лицо! И что-то сделать с этим невозможно!.. Затем мы оказались здесь, и я надеялась, что нас, наконец, разделят!..

Пандора представила себе голос и интонации молоденькой женщины, оказавшейся на дне одного из самых жутких возможных кошмаров, а затем попыталась вообразить на её месте себя... Нет! Лучше не стоит, если дорог собственный рассудок!

– Так вы... Сможете что-то с этим сделать?.. – с надеждой спросило существо, назвавшее себя Вильгельминой.

– Ничего обещать не могу, – вздохнула Пандора. – Нужно сперва установить, какой участок нейронной сети за что отвечает. При вмешательстве появятся непоправимые ошибки. И тогда работа десятков человек пойдёт прахом...

– Плевать! Не получится разделить – просто сотрите нас!

– Вильгельмина, всё требует времени. Учёные «Наутилуса» работают над созданием роботизированного тела. Однажды вы сможете выйти из виртуала и жить почти как раньше!

Пандора врала и прекрасно это понимала, но в ней уже проснулся азарт заядлого картёжника: ей хотелось любой ценой удержать внимание Вильгельмины и не дать ей «закрыться». Она должна была решить эту головоломку, если не для «Наутилуса», то ради собственной жажды познания, которая горела в ней с детства, почти не утратив изначальной мощи. Вдруг за спиной послышался гул раздвигающихся дверей. Обернувшись, киберпсихолог увидела входящую Лидию. Будь Пандора кошкой, то выгнула бы спину и зашипела бы на коллегу. Какого чёрта ей здесь нужно в такой час?

– Фухх! Как же ты меня напугала! – воскликнула Лидия, но через секунду вернула себе дежурную улыбку – Ты что, хочешь снова заболеть?

– Мне вдруг стало любопытно, что происходит с ними по ночам.

– С ними?

– Сегодня он говорил со мной от лица той женщины. – Пандоре даже не потребовалось врать, чтобы переключить внимание ассистентки. – И говорил на удивление связно, совсем не так, как обычно.

– Бедняга Чен. Еще одной порченной копией больше, – вздохнула ассистентка и забрала со своего стола забытое кольцо – обручальное. Пандора улыбнулась краешком рта. Если ассистентка узнала этой ночью что-то лишнее, то и она – тоже.

– Так это ж прекрасно, – покачала головой киберпсихолог, быстро переводя взгляд с руки, в которой Лидия зажала кольцо. – Найдём ошибку сейчас – значит, сможем избежать её потом; наш психопат – просто шикарный предмет для изучения.

– Да, только руководству нужны реальные результаты, – невесело сказала Лидия.

На следующую ночь Тень всё рассказал сам – как он совершил самый страшный в жизни поступок, как выпадал из реальности на час, а то и на несколько, обнаруживая себя в незнакомых местах. Как попался и подписал признание, не осознавая себя – потому что его разумом в этот момент словно владел кто-то другой. Тогда она спросила прямо – возможно ли, что в какой-то момент он стал жертвой «промывки мозгов» – химической, физической, медицинской – какой угодно. Помолчав несколько секунд, Тень ответил утвердительно: громкий скандал вокруг «Линдон Пауэр» был выгоден очень многим.

Слишком тяжела оказалась встреча с призраком Вильгельмины Хейсс, слишком страшно думать о том, как она оказалась вместе с Герионом на «Ньёрде». Тень был загадкой, которую можно было разгадывать очень долго, и Пандоре всё меньше хотелось делиться его тайнами с кем-то ещё.

Лидия и другие женщины команды решили, что Пандора влюбилась: по вечерам, после работы, она с упоением выкладывала дивной красоты картины из бесчисленных, как звезды, цветных стёклышек. При этом на её лице сияла просто ангельская улыбка, прекрасно сочетавшаяся с воистину дьявольским воодушевлением в глазах. Её возлюбленного пытались отгадать, отследить – но Пандора, словно дикий зверь, ловко путала следы – то одного подержит за руку, то другому в глаза посмотрит; а Тень, в свою очередь, с трудом удерживал её от частых и даже просто регулярных встреч, чтобы ни у кого не возникло подозрений в их «опасной» близости. Он советовал на самом деле завести любовника, но та лишь отшучивалась.

Когда в «Наутилусе» появился следующий «кандидат в бессмертные» – на этот раз тяжело покалеченный лётчик-испытатель, не запятнавший себя никакими злодеяниями, интерес к Гериону Линдону ослаб, а значит, риск, что скоро его «спишут», становился с каждым днём реальнее. Это произойдёт нескоро, но Пандора понимала: готовиться нужно заранее.

То, что у неё имелся полноценный доступ к архиву, утешало слабо: покинуть «Ньёрд» с каким-либо электронным носителем кроме идентификационного чипа, могли только члены высшего руководства, да и то с обязательной регистрацией гаджета. Получив на руки чип с записанной на ДНК информацией, она должна была вернуть его не позже, чем через сутки. Подменить его было тоже невозможно: каждый имел уникальный номер, и система хранения

данных отвергла бы фальшивку. Информацию можно было записать и на «умную воду» – так в обиходе называли жидкие носители. Однако ей тоже вёлся автоматический учёт, и шансов получить её анонимно не было.

– Чип есть в твоей руке, – вывел текстом на дисплее Тень, когда Пандора поделилась с ним своими опасениями. Вывел – и сразу же стёр.

– Объёма не хватит. Он же делался не под тебя... И вообще – как я потом с «Ньёрда» выберусь? – написала Пандора ему в ответ.

– Поезжай в отпуск. Я подскажу тебе нужный контакт. Возьмёшь носитель, который провезешь сюда без проблем. – и тут Герион резко переменял тему. – Ещё одна просьба. Я видел у тебя в голове разъём для подключения к «Омниверсу»...

– Когда-то приходилось торчать там подолгу.

– Как насчет часа наедине?

– Исключено. Нас могут раскрыть. Ты же сам видел, что Чен, Лидия и другие появляются здесь по ночам. А я никак не смогу отреагировать.

– Приходи ночью перед отъездом: вряд ли кто-то удивится, что ты решила меня проведать: вы, учёные, любите своих подопытных обезьянок.

Пандора вздохнула. Ей казалось, что в курсе их предутренних свиданий уже весь «Ньёрд». Каждую ночь, которую она проводит с Тенью, камеры и датчики движения отслеживают её шаги. Всякий раз её видно на экране пульта охраны, и только то, что трудоголиков, продолжающих работать и по ночам, здесь вообще пруд пруди, до поры до времени оберегало её от дознания. Но никто не мог предсказать, когда везение ей изменит.

– У нас гости, – шепнул ей в наушник Тень, и женщина инстинктивно выключила его, поднимаясь с кресла. В комнату вошел Виктор Чен – рослый мужчина сорока восьми лет с фигурой пловца и ранней сединой, почти полностью посеребрившей густые, когда-то чёрные волосы.

– Удачно я тебя поймал, Пандора, – приветливо начал он. – Ты ведь не просто так зачистила сюда?..

Вот, кажется, и всё.

– Конечно, нет, Виктор, – согласилась киберпсихолог, стараясь свести ложь к минимуму. – Лучше работать, чем страдать бессонницей.

– У всякой работы должен быть результат, – — всё с той же обманчивой мягкостью продолжил Чен. – Может, ты хочешь мне что-то рассказать?..

Внезапно нужные слова пришли в голову сами.

– Дела идут дерьмово, – скривилась Пандора. – Всё охочусь на ту самую Вильгельмину. Хочу заставить её вновь себя показать. Понять, какая ошибка вызвала её к жизни и как избежать её в будущем. Но то ли это было что-то вроде разового бреда вследствие трудностей адаптации, то ли Тень ведет какую-то игру.

– Если она вновь заговорит, то как ты поймёшь, что это не Герион дурачится? – Чен не был психологом, он был кибернейробиологом и намного лучше разбирался в устройстве и функциях биологических и электронных носителей, чем в тех фокусах, что выдавал «софт».

– Применю лексический анализ...

Чен сделал несколько шагов по комнате, очертив полукруг, и оказался к женщине почти вплотную. Его два метра роста показались маленькой Пандоре почти заоблачной высотой, словно сейчас она видела его впервые.

– Пандора, я бы с удовольствием тебе поверил, останься в компьютере запись хотя бы одной из ваших ночных бесед. Но ты, как я понимаю, их удаляешь? Зачем?

Пандора прикусила губу, отвела в сторону взгляд, изображая смущение, и медленно, глубоко вздохнула.

– Это не те разговоры, которые можно дать послушать каждому. Ну, если ты понимаешь...

– Чтоб меня... Вы здесь эротический чат развели? – поразился Виктор, никак не ожидавший такого от женщины, которую за глаза величали «Снежной королевой». Та едва заметно кивнула, буравя глазами пол, и шагнула назад, удлиняя дистанцию между собой и профессором.

– Он заговорил об этом первым, пытаюсь узнать мои секреты, которых нет, – прошептала она. – А мне стало интересно – зачем это существу, у которого нет гормонов, регулирующих половое поведение, нет физиологии, формирующей желания. Оказалось, он так цепляется за свою былую... Человечность...

– Если проще, у вас виртуальный роман.

– Конечно, нет. Подыгрываю ему, только и всего!

– Врёшь! Не думай, что я не замечаю, как загорается твое лицо, когда ты общаешься с ним. Ты такого высокого мнения о себе, что от простых смертных воротишь нос. Тебе подавай сверхчеловеческое создание, так?..

Утратив над собой контроль, он взял её за подбородок. Пандора подняла глаза и только сейчас разглядела, что начальник пожирает её своими. Вычеркнув для себя «эту» сторону жизни, она, несмотря на род занятий, стала реже замечать её проявление в других людях. В частности, все намёки и пылкие взгляды, которые до сих пор изливал на неё профессор, она объясняла коротким «показалось».

– Мне подавай того, кто не побоится, – сказала она, улыбнувшись уголком рта. – Почему ты столько времени молчал?

Она убеждала себя: Тень выше таких вещей, как ревность, он сам подбивал её на физическую близость и обижаться не станет. А вот прикрыть его, отвлечь профессорское внимание – не помешает. К тому же, Чен довольно молод, недурён собой и излучает просто пьянящий жар. Всё, что копилось в ней в течение многих недель, можно будет выплеснуть наружу.

Почувяв, что Пандора и сама не против, профессор сгреб её в охапку и впился в неё долгим поцелуем. Должно быть, в последнее время он тоже пил только воду из-под крана.

– Пошли ко мне, – игриво прошептала Пандора и потянула Чена за рукав, уводя подальше от того, кто стал ей по-настоящему дорог. Сгорающий от страсти профессор стал лишь физическим проводником её собственных желаний. Закрывая глаза, она видела Тень в его человеческой оболочке – с обманчиво мягким взглядом золотисто-карих глаз, широкими тёмными бровями и мальчишеской улыбкой, представляла его прикосновения, поцелуи, дыхание. Последней мыслью Пандоры перед отходом ко сну было признание самой себе, что ей глубоко плевать, сколько раз он убивал и кого.

Пандора надеялась, что, получив своё, профессор быстро от неё отстанет. Однако тот словно голову потерял – не сводил с неё глаз на работе, не давал прохода в свободное время, цеплялся за любую возможность остаться у неё на ночь и разве что не спал под её дверью. То ли он влюбился, то ли нашёл повод её контролировать, но теперь она не знала, куда деваться от его назойливого внимания. О том, чтобы навестить Тень, конечно, не было и речи, и это сильно угнетало её. В то же время она понимала: засветившись несколько раз, нужно было «залечь на дно».

Наконец, Пандора сделала нежеланному любовнику большой подарок – пришла к нему после полуночи сама – что, по её разумению, означало большую страсть, набросилась чуть ли не с порога и загоняла профессора до полусмерти, время от времени беззвучно шепча имя Гериона. Чен, разумеется, ничего не заметил, отпустил её домой с большой неохотой и, выжатый досуха, завалился спать.

– В горшке с монстерой жучок, – напечатал Тень, едва она подошла к монитору. – Вот что значит – хорошо разыграть дурачка: от тебя вообще перестают что-либо скрывать.

– С компьютером они не делали ничего? – набрала в ответ Пандора.

– Компьютер контролирую я. Как и всё, что к нему подключается. Так что избавься от этой гадости поскорей: я скучал по твоему голосу.

– Я получила отпуск, – сказала она, не зная, какими ещё словами передать все, что чувствует. – Уезжаю завтра.

Она хотела попросить контакт человека, от которого можно было получить чудо-носитель, но боялась говорить об этом вслух. Впрочем, ей и не пришлось.

– Доступ к омниверс-устройству я тебе открыл. Хочешь попрощаться лицом к лицу?..

Шаттл «Мармарион», покинувший лабораторию «Ньёрд», скользил по поверхности океана, блестя в рассветных лучах, словно драгоценный камень. Киберпсихолог Пандора Корелли, удобно устроившись в кресле, слушала собственные голосовые записи о Герионе Линдоне – так увлечённо, будто получила их в подарок перед самым отплытием. Её взгляд был прикован к пламенеющему над океаном солнцу в иллюминаторе. Сейчас оно не отличалось от искусной симуляции омниверс-дизайнеров, но скоро оно коснется её лица, и разница станет очевидна.

Когда шаттл повернулся к солнцу другой стороной, Пандора открыла блокнот с эскизами – её собственными, по старинке нарисованными от руки. Довольно покачивая головой, она дошла до свернутой вчетверо распечатки, вложенной между листами блокнота, и аккуратно её развернула. Перед её глазами раскинулась на первый взгляд хаотичная сеть из множества узлов и синапсов между ними. Несколько участков этой сети были выделены красным цветом, образуя имя «Рэймонд».

Улыбнувшись себе под нос, Пандора принялась рисовать на оборотной стороне листа. К тому времени, как шаттл, наконец, причалил в лондонском порту, она закончила новый эскиз – портрет черноволосой девушки с грустными глазами. Солнечный диск, восходивший у девушки за спиной, венчал её голову, словно нимб.

Пролог III: На нашей улице праздника не бывает *Мидори Макото. 23 декабря 2144, Лас-Вегас*

– Мама, а мама! – пискнула восьмилетняя Мидори, теребя безвольную, с неестественно тёмными прожилками руку, что свешивалась из кресла с омниверс-подключением. – Проснись, опять света нет!

Девочка приложила большой палец к тонкому, почти как у нее самой, запястью. Сквозь кожу Мидори ощутила слабую пульсацию. Значит, проснётся. Ведь всегда просыпается...

Девочка обшарила холодильник и осветила пламенем свечи каждый сантиметр их убогой квартиры. Оказалось, что мать забыла купить красный шприц, необходимый для выхода из погружения в аварийном режиме – в тех случаях, например, когда «падает» сеть. Всякий раз, подключаясь к Омниверсу, она делала себе инъекцию прозрачной, как вода, белой жидкости, состава которой девочка точно не знала. Но что она помнила на «отлично» – если свет гаснет, когда мать подключена, нужно незамедлительно достать и уколоть красную жидкость. Выполнять такую операцию девочке приходилось уже дважды, но в этот раз нужного зелья дома не оказалось. Чем это грозило, Мидори оставалось только догадываться.

Длительные отключения электричества здесь, на минус третьем уровне Лас-Вегаса, случались и раньше; виной тому были молодцы, не знавшие меры в краже электричества. Судя по продолжительности «затмений», городские власти то ли не спешили ликвидировать совершенные горе-воришками поломки, то ли сами использовали отключения в качестве карательных мер. Поэтому те, кто имел разрешение на посещение верхних уровней, помимо всего прочего, привозили с собой стеариновые свечи, которые, несмотря на дороговизну, расходились, как горячие бутерброды.

Раньше, если после таких инцидентов удавалось обнаружить виновного, полквартила сбегалось для того, чтоб устроить ему знатную взбучку. Однако кражей электричества занимались не только отдельные придурки; организованные банды нуждались в энергии еще больше, чтобы питать свои подпольные мастерские по изготовлению фальшивых идентификационных чипов, нелегальных мозговых имплантатов, разного рода наркотиков, повышающих характеристики игрока в Омниверсе или дарующих сладкие часы тем, кто был слишком беден для электронных приключений.

Они же тащили в Подземку запрещённые товары – мини-дроны, оружие, цифровые носители повышенной ёмкости. Трогать членов этих банд среди жителей нижних ярусов не решался никто – не только и не столько из-за страха, но и потому что преступниками эти люди считались разве что у властей да обитателей Верха. Даже зачистки нижних кварталов полицейскими дронами, которые нередко сопутствовали «Блэкаутам», не мешали Подземке уважать своих бандитов.

Поначалу, когда погас свет, девочка не испугалась: двадцать квадратных метров, составлявших ее с матерью жилье, освещались небольшими шарообразными растениями в подвесных горшках; тусклого синеватого свечения хватало на то, чтобы передвигаться по квартире и различать предметы. Опять же, дома имелись свечи. Выглянув на улицу, Мидори увидела, что аварийное освещение тоже работает, и немного успокоилась. Единственное, чего действи-

тельно стоило бояться, – это встречи с полицейским дроном: бывали случаи, когда машины били током детей, сдуру пытавшихся их поймать или огреть чем-нибудь тяжёлым.

В животе у Мидори заныло. Девочка достала из холодильника стаканчик кокосового желе, но прежде, чем приступить к трапезе, вновь попробовала разбудить мать, чтобы та тоже поела. Пульс по-прежнему бился, но ни на оклики, ни на тряску женщина не реагировала. Набравшись храбрости, Мидори вскарабкалась к матери на колени и что было сил хлопнула её маленькой ладошкой по рано усохшей щеке.

– Поднимайся же! – с недетским ожесточением закричала она, жмурясь от набежавших слез.

Представление о том, что такое Омниверс, у Мидори было самым туманным. Она знала, что у матери такая работа – подключаться к этой штуковине и лежать добрую половину дня, совершая во сне подвиги и получая за это деньги, кормившие их маленькую семью. Однако смыслённая девочка уже успела заметить, что этот сон не давал настоящего отдыха. Вставая с кресла, мать выглядела измождённой, говорила мало и спала еще несколько часов – уже на водяном матрасе, который они с дочерью делили между собой. Таким образом, самой Мидори доставалось часа два-три материнского внимания.

От взора девочки не ускользнуло и то, что мать стремительно стареет. В свои тридцать пять женщина выглядела на все пятьдесят: сухая желтоватая кожа туго обтянула лицо, вокруг глаз расплзлись морщины, щеки ввалились. Вдобавок, женщина имела проблемы с координацией движений и краткосрочной памятью. В последнее время случалось, что даже имя собственной дочери она вспоминала не сразу. Что-то нехорошее происходило в этом искусственном сне, но что именно – об этом мать говорить не любила и могла послать Мидори подальше, если та приставала с расспросами.

Девочке не раз приходило в голову, что мать так долго пропадает в Омниверсе лишь для того, чтобы поменьше горевать о своей жизни наверху, до того страшного дня, когда ее бросили в тюрьму по обвинению в крупной электронной краже. Жизни, в которой она могла наслаждаться настоящим солнечным светом безо всяких разрешений, водить электрокар и одеваться в дорогих магазинах (другие наверху и не встречались). Иногда на женщину накатывала болезненная, слезливая ностальгия, и она садилась перебирать фотоснимки мира, от которого её с дочерью отрезали навсегда, а также собственные портреты, с которых на неё и Мидори смотрело такое же точёное, сияющее и ухоженное лицо, какими могли похвастаться только обитатели Верха. Тогда она расслаблялась и становилась разговорчивей.

– Правду искать опасно, – ожесточённо хрипела она. – Не на тех людей поперла... Не под тех копнула... У них оказался свой хакер... Куда хитрее меня и опытнее. Он не стал меня взламывать. Не посадил машину, ничего не стер, даже на мои внутренние чипы не покушался. Просто я пошла спать, а когда проснулась, на моем счету было пять миллионов, которые кто-то свистнул со счетов компании, где я работала тогда. Я даже испугаться толком не успела, когда легавые вышибли дверь...

Но когда Мидори решила уточнить, кого мать так неудачно попыталась взломать в юности, та сердито велела ей делать уроки и поспешно ушла – должно быть, пополнять запас химии, которой сегодня так неудачно не оказалось под рукой.

В тюрьме мать Мидори провела три года, но, по её собственным словам, освобождение оказалось страшнее. Её отпустили для того лишь, чтобы «уронить» на дно – в прямом и переносном смысле. Подземка, где света было достаточно, чтобы существовать, но недостаточно, чтобы жить, неохотно отпускала от себя людей, а таких, как она – с клеймом преступника – поглощала и переваривала навсегда.

Дети здесь появлялись нечасто и были в большинстве своем «детьми отчаяния». Их рожали для того, чтобы не покончить с собой и не сторчатся: именно так на свет и появилась Мидори. О помощи семьям, понятное дело, жители Подземки слухом не слыхивали, и жить с ребенком становилось вдвое тяжелей, но каким-то образом именно семейные люди да еще бандитские кланы упорнее всего сопротивлялись деградации, медленно и верно душившей население нижних кварталов, чьи дедушки и бабушки когда-то поймались на «смешную» стоимость жилья. Дети разрушали однообразие туннельной жизни, давая надежду тем, кому остертели фантазии омниверс-архитекторов. Своего отца Мидори не знала, но это не беспокоило девочку, ведь семьи, где присутствовали оба родителя, встречались в Подземке очень редко.

Убедившись, что мать не будят даже самые сильные пощёчины, Мидори соскользнула с её колен, спешно проглотила скудный обед (перед любой вылазкой нужно подкрепиться), сняла с крючка на стене ключ от квартиры (приложение руки сейчас не сработает), сунула в карман погашенную свечу и выскочила за дверь, но тут же, не успев её закрыть, досадливо себя обругала и шагнула назад.

Вновь подбежав к неподвижной матери, девочка сняла с её обмякшей руки наладонник, код к которому, в силу участвовавших провалов в памяти, женщина написала маркером прямо на холодильнике. В стандартных приложениях Мидори отыскала программу «фитнес-трекер», отмечавшую на карте пройденный носителем путь и число сделанных шагов. Верить, что мать – женщина недоверчивая и осторожная до паранойи – оставит трекер включенным, было наивно, однако Мидори решила попытать счастья – и, как выяснилось, не зря. Слабеющая память вынудила мать и здесь пойти на уловки, чтобы всякий раз не искать дорогу заново. Девочка впервые по-настоящему задумалась о том, чего стоила маме её «работа» – и в желудке ворохом змей заворчался ужас.

«Это ради тебя, Мидори, – сказал в её голове беспощадный голос. – Из-за тебя. Лучше б ты вообще никогда не рождалась. Тогда б она и не увяла так рано. Теперь вывернись наизнанку – но достань то, что нужно...»

Оказавшись на улице, подсвеченной призрачно-белыми диодными лентами, тянувшими вдоль стен, девочка понеслась туда, куда указывала синяя линия на экране, и несколько раз чуть не врезалась в прохожих, чье любопытство пересилило страх перед возможной облавой дронов. Через три перекрёстка ей пришлось замедлить шаг – но причиной тому была не усталость, а странный разговор молодой женщины и пожилого мужчины, стоявших за углом.

– И знаешь, пап, что я скажу? Похоже, не только у нас отрубилось электричество, но и сверху! – взволнованно и не без удовольствия доложил женский голос.

– А детей приносят аисты! – сварливо бросил мужчина.

– Я шла по дну светового колодца, когда у меня сдохли очки. Им хана, без вариантов – то есть, сейчас это просто стекляшки для пушей важности! Хорошо еще, что я не из модификан-

тов-извращенцев! Один такой как раз увязался за мной, шагнул в солнечное пятно от колодца – и у него рука отнялась, вот честное слово!

Мидори приникла к стене, стараясь унять частое дыхание. Да, спешить необходимо, но как еще она поймёт, что происходит вокруг и чего им с матерью ждать дальше?

– Брось, Лив! Просто схемы ставил рукожоп! – старик продолжал держать оборону.

– Схемы, говоришь? Ты хоть одну радиопередачу попробуй поймай! Эфир мёртвый! Когда в последний раз такое было?

– Если даже так, всё починят часа через два-три! А тебе пора бы привыкнуть, что на нашей улице праздника не бывает.

– А вдруг началась мировая война? Если даже у нас «эмками» друг по другу шарахают, то что мешает большим дядям грохнуть друг друга по-крупному?!.. Даже рук не замарают, как в случае со всеми нами!

– Фантазёрка!..

– Что смеешься? Тебя не было у колодца и у тебя не сгорели очки!.. А знаешь, что вчера на том же самом месте говорил брат Александр?

– Ещё я религиозных дурачков не слушал! – буркнул пожилой человек.

– Очень жаль! – запальчиво проговорила Лив. – Он говорил, что Очищение начнется со дня на день. Будет большая война, которая продлится лет сто, а в конце – единое человечество с одним солнцем для всех!

Не успел старик дать новый ядовитый ответ, как наверху сильно загрохотало, и с низкого потолка посыпалась пыль.

– Как думаешь, Лив, какой это уровень? – насторожился отец.

– Должно быть, минус первый.

– Стрелять-колотить... – буркнул старик. – Кто ж в лоб-то лезет? Леня в вентиляцию выход искать?

Словно в знак согласия с его словами наверху бабахнуло снова.

– Кого-то сегодня безо всяких дронов постреляют, – с пугающим равнодушием сказал мужчина. – Идем-ка домой. От слова «постреляют» Мидори тоже вспомнилась вчерашняя проповедь Александра о приближении Страшного Суда и крахе мира угнетения, который начнется со дня на день. Мог ли он что-то знать, или просто так совпало? А может, эта незнакомая девушка Лиз и вправду приняла желаемое за действительное? Ведь никто в здравом уме не мог желать добра биороботам, занявшим вершину «пищевой пирамиды».

Потолок над ней задрожал от грохота сотен, а может и тысяч ног, смешавшимся с ревом многочисленных глоток. Но девочка, привыкшая большую часть времени прозябать в унылой

тишине, даже не поняла, что это за протяжный, неоднородный и неприятный гул, заглушенный толстыми слоями бетона, и что за механизм способен порождать такие звуки. Поежившись от липкого страха, она поспешила дальше, высматривая на бегу велорикшу. Цены эта братия ломит дикие, но кого это сейчас волнует!

Дребезжание велосипеда послышалось довольно скоро: судя по звуку, транспортному средству было с полсотни лет. Управлял им смуглый, несмотря на отсутствие солнца, долговязый, высохший человек, похожий на тень и медленно жующий жвачку в такт вращению педалей – так, что челюсти двигаются не только вверх-вниз, и слева направо; несмотря на сумрак подземной улицы, его бейсболка была надвинута чуть ли не на самые глаза. За все время, что Мидори его знала, он едва ли проронил больше четырех-пяти слов. Вот и сейчас он не поздоровался, а молча кивнул, отчего и девочка, заняв свое место позади, проговорила почти шепотом:

– Блю-Лейн, сорок пять. Я очень спешу. Дело жизни и смерти.

Рикша снова кивнул, давая понять, что услышал ее. Велосипед покатиł вдвое быстрее, хотя мужчина, как показалось Мидори, жал на педали в том же темпе. Спустя несколько минут он стал мурлыкать под нос какую-то путаную мелодию, хотя раньше Мидори никогда не слышала, чтобы он пел, да и обстановка, мягко говоря, была неподходящая.

– Простите, – сказала она, восприняв пение рикши как готовность к общению. – Быть может, вы знаете, что происходит?

– Ворота заклинило, – сказал рикша, выдержав паузу. Голос у него был такой, словно связки заржавели от долгого простоя. – И теперь «сортировщики», что пропускали людей наверх, пытаются сдерживать толпу. Вот, еще прибыло идиотов, – он кивнул на группу из четверых мужчин куда-то бежавших по туннелю; двое из них несли с собой по арматурине. – Ещё веселее то, что это не только в Японском квартале, а в разных точках Подземки. Только вот что они будут делать, даже если прорвутся? С местным чипом или вообще без него? Кто в здравом уме возьмет их на работу и все такое?..

– А вы сами что – наверх не хотели ни разу?..

– Я и так оттуда... – вздохнул рикша, сердито дзынькая зазевавшейся кошке. – Еле ноги унёс. Боюсь, когда придется удирать отсюда, тяжело будет новую нору найти.

– От кого придётся удирать? – опасливо спросила Мидори.

– Кто-нибудь да нагрянет, – сказал мужчина тоном, не предполагающим дальнейшего развития беседы. Девочка беспокойно заерзала на месте, увидев, что на стенах не осталось ни одного знакомого граффити. Так далеко от дома она не отъезжала еще никогда. Хуже того, когда велосипед в очередной раз повернул, они погрузились в полный мрак: ленты освещения здесь обрывались или были обесточены специально. Рикша включил переднюю фару, подсвечивая реющую в воздухе пыль. Минуты через три они едва не врезались в рослого небритого мужчину с алой повязкой на руке, яростно колотившего в двери жилых боксов и оравшего:

– Эй, там! Достаньте голову из задницы! Там наших бьют! Наших!.. Кончайте в бредогенераторе драконов мочить! Легавых надо мочить, пока можно! Детка! Эй, детка! – крикнул

он, обращаясь к Мидори. – Встретишь кого – говори, что пора перестать быть трусами! Наша страна когда-то была свободной!

Девочка вжалась в сиденье коляски, в то время как рикша раздраженно поцокал языком, еще больше прибавляя скорости. По обе стороны от них были двери жилых боксов, мелких лавок и питейных заведений – ничего необычного, но теперь, в пыльной, пропитавшейся запахом плесени темноте, Мидори казалось, что из дверей вот-вот полезут чудовища. Ей ужасно захотелось за что-нибудь схватиться, но все, что она могла сжать заостренными от страха пальцами – холодные металлические поручни самодельной коляски. Может, стоит закрыть глаза? Представить своих кукол во всех деталях до каждой ленточки? Юную маму? А может, брата Александра, который так горячо твердит о победе добра и убеждает сбросить сладкий плен Омниверса?..

Ужас вдруг схлынул, уступая место горячему гневу – словно кто-то чиркнул спичкой в ночи. Проклятый Омниверс! Пусть сама Мидори никогда в него не погружалась, не имея прав доступа, она понимала достаточно, чтобы связать его с веществами, пожирающими мать. Найти бы того, кто придумал всю эту мерзость, и... Она стиснула кулаки, силясь представить достаточно суровое наказание. Ведь в этой трясине безнадежно увязла не только ее мама. Наверное, сотни детей точно так же потеряли родителей – живыми. В одной лишь ее школе, организованной Братством Святого Креста, таких было большинство – полуголодных, неопрятных, то пугливых, то, напротив, буйных и злых.

«Я бы сделала так, чтобы создатель Омниверса сам на всю жизнь там остался – ни живой, ни мертвый... И никогда не увидел своих родных. И чтобы каждый день он играл в одну и ту же игру. Чтобы она ему осточертела, но не закончилась никогда», – проговорила про себя Мидори, удивляясь, но не пугаясь собственной жестокости.

Наконец, из-за плеча молчаливого рикши она увидела золотистое пятно света. Мидори сверилась с наладонником: колодец. И наверху, скорее всего, ясная погода, если лучи достают так глубоко... Вот посреди пятна стала заметной неподвижная фигура – высотой не больше самой Мидори. Что за дураки забыли посреди улицы ребенка? Кто-то ещё не знает, что крысы обглодают его за несколько минут?

Вскоре стало заметно, что человечек с неестественно перекошенной головой и длинными руками сидит на чём-то вроде машинки с колесами. А еще через несколько секунд – что с этой машинкой он попросту единое целое: живая верхняя половина приделана к роботизированной нижней, собранной, что было видно издалека, в кустарных условиях.

– Жестоко, – прошептала Мидори, пытаясь вообразить, что за напасть превратила беднягу в чудовище на колёсах.

– Приехали! – мрачно вымолвил рикша, сбавляя ход и указывая на окрашенную в ярко-голубой цвет стену, по которой разлеталась нарисованная стая чёрных птиц. Девочка вздрогнула: стена была у калек за спиной, а значит, придется увидеть его вблизи.

Рикша затормозил, не доехав до колодца метров двадцати. Велев Мидори оставаться на месте, он подбежал к несчастному калеке – не то спящему, не то вообще мертвому, выкатил его из-под солнечных лучей, снял с пояса флягу, запрокинул неприятно опухшее желтова-

тое лицо и брызнул на него водой. Незнакомец протяжно застонал, прокашлялся и разразился потоком грубой брани.

– Давай-ка потише! – одернул его рикша, кивая на Мидори. – С нами леди!

– Брат, прости, – ответил инвалид, взял у своего спасителя флягу и сделал два больших глотка. – Представь: решил принять солнечные ванны – и тут моя тележка слушаться перестаёт – ни туда, ни сюда, а затем и я отрубаясь. Брат с самого утра убежал по делам и до сих пор где-то шастает.

– В сорок пятом живешь?

– Ага. Ты за химией, что ли?

Вначале Мидори не поверила собственным ушам, но затем, не дожидаясь разрешения рикши, вскочила с места, собрала свою храбрость в кулак и подошла к мужчинам. Глаза инвалида сделались круглыми, как блюдца; в первые секунды девочка не поняла, почему.

– Значит, мне к вам, – сказала девочка вместо приветствия. – Нужны красные шприцы для аварийного выхода.

– Ты, должно быть, дочка госпожи Макото? – в замешательстве проговорил спасённый. Неужели они с мамой до сих пор настолько похожи?..

– Госпожи Макото, которая от ваших штучек в пыль рассыпается, – железным голосом подтвердила Мидори.

– Мне жаль, малыш, – пробормотал калека.

– Ни хрена вам не жаль. О себе одном и думаете, – с отвращением бросила Мидори, с трудом подавив более жестокие слова. – Так где он, ваш товар?

Инвалид кивнул на стену с птицами, в которой зияла приоткрытая дверь.

– Нужен товар – кати меня внутрь. – мужчина показал перчатку с подсоединенными к ней проводами, с помощью которой он и управлял своей «нижней частью». – Это больше не работает.

Мидори покачала головой и с большим трудом толкнула беднягу к проёму. Велосипедист не остался в стороне: он помог затолкать калеку в помещение и собирался идти вместе с ней, но не тут-то было...

– Подождёшь снаружи, – окрысился торговец химией.

– Чёрта с два, я отвечаю за неё, – ответил велосипедист, не повышая голоса.

Четверть секунды, молниеносное движение руки – и в живот извозчику уперлось дуло хоть и маленького, но самого настоящего пистолета. Судя по тому, как её спутник изменился

в лице, девочка поняла, что оружие снято с предохранителя. Должно быть, осваивая навыки выживания, калека тренировался месяцами.

– Всё в порядке, – сказала девочка рикше, и шагнула в темную комнату, выставив руку с наладонником вперед. Казалось, она вот-вот услышит, как скребут у неё на сердце оголодавшие кошки.

– Дверь тоже запри, – хрипло велел торговец, так и не спрятав пушку. Спорить с ним девочка не посмела. Дальше он продвигался, отталкиваясь руками от стен и мебели.

Ей в нос ударил резкий химический запах, похожий на запах краски из баллончиков. Блистела посуда – лабораторные флаконы, пробирки и колбы вперемешку со стеклянными банками и бутылками, круглые стенки пузатых аквариумов, в каждом из которых что-то было – то ли живое, то ли не очень. Хозяин достал из кармана связку ключей и открыл еще одну дверь. Его еще не старое лицо, похожее на мордочку морской свинки, исказилось от досады: он никого не хотел так далеко пускать в свои владения. Но теперь, когда механическая половина превратилась в тяжелый якорь, ему ничего не оставалось, как велеть девочке подкатить его к морозильной камере, находившейся на другом конце комнаты. Здесь же, на полу, лежали два спальных мешка.

«Надеюсь, до моего отъезда его братец не явится», – мелькнуло у Мидори в голове. Она уже заметила, что и морозильник, и полки, и низкие лабораторные столики были расположены так, чтобы калека мог до них дотянуться. А значит, препараты делал именно он, а брат выполнял домашнюю работу, функции охранника и курьера.

Вот, наконец, запотевший от холода красный шприц с закрытой пластмассовым накопчиком иглой оказался у Мидори в руке, а затем и в кармане, заставив девочку на секунду забыть об отвращении к изготовителю препарата. Мама будет жить, а остальное неважно.

– Холодильник на резервном генераторе, – сказал инвалид. – А что дальше-то будет?

Девочка вытянула руку с наладонником, чтобы мужчина снял деньги с электронного кошелька. Но тут оказалось, что его собственный гаджет не работает, как и машинка для передвижения. И говорить о совпадении будет только дурак. Несколько секунд они смотрели друг на друга; в голове у Мидори мелькнула мысль, что зря она боялась несуществующих чудовищ. Наученная горьким опытом выживания на нижнем уровне, она приготовилась к предложению «дать себя потрогать»: таких подонков и с ногами было хоть отбавляй. Как назло, входная дверь закрыта, и рикша без ключа сюда не войдет. А впрочем, кто вообще будет ждать её под дверями?

– Придётся отдать наладонник, – оскалился хозяин.

– Он не мой. Мамин, – пролепетала Мидори.

– Ты же понимаешь, что, не расплатившись, отсюда не выйдешь?

Во мраке щелкнул взводимый курок, и дуло пистолета уперлось девочке в ребра.

– Мама и так заплатила сполна. И даже слишком, – как можно тверже вымолвила Мидори, чувствуя предательскую дрожь по всему телу, но вместе с тем решительно отступая назад. Насколько это больно, когда пуля входит в тело?

– За этот шприц я ничего не получил! – проскрежетал калека. – Гони наладонник, овца! Без него я не жилец! Как твоя мамаша – без «катапульта»!..

Вот как называется красная жидкость! Кажется, с помощью этой штуки человек покидает падающий самолёт. Вот и Мидори надо куда-то деваться. Но пока только новый шаг назад.

– Прощайся с мамашей! – вновь пригрозил торговец. – Брат выбросит твой трупик в выгребную яму – и поминай как звали!

Прикусив губу, Мидори сделала третий шаг назад, но вдруг уперлась затылком и спиной во что-то явно живое и взвизгнула от страха. Развернувшись и посветив, девочка увидела того самого бородатого верзилу, что стучался во все двери, призывая людей к бунту. Теперь беды точно не миновать...

На этот раз он не сказал ничего – лишь одним движением сгреб наладонник широченной лапой, затем железной хваткой взял Мидори за плечо и, поволок ее через комнату, как тряпичную куклу. У девочки перед глазами пробежала вся ее короткая жизнь, однако все закончилось, едва начавшись: брат торговца распахнул дверь и выпихнул оцепеневшую от страха девчонку на улицу, где больше не горел даже аварийный свет; лишь слабый поток солнечных лучей все еще струился в шахту.

Качаясь на ногах, с кружащейся головой и сплюсненной ужасом грудью, Мидори, уже готовившаяся к смерти или к чему-нибудь пострашней, бескостной кучей осела на тротуар и расплакалась. А потом худые, жилистые, но сильные руки, подхватили девочку и усадили в уже знакомое сидение. Проскользнув мимо колодца, велосипед нырнул в непроглядную тьму. И хотя фара все еще светила – ярко и довольно далеко – это успокаивало мало, а писклявый скрежет педалей был болезненным, как укол иглой.

– Вы дождались, – проговорила Мидори сквозь рыдания. Ужас не отступал: сейчас она была во власти этого человека, не зная, что у него на уме. – Но зачем?

– Решил подстраховать. Их и меня крышует одна банда – «Акулы-молоты». И если б они причинили тебе вред и я пожаловался...

– Они забрали мамин наладонник!

– И деньги?

– Деньги не смогли – вздохнула Мидори.

– Я подозревал. Но то, за чем приехала, взяла?

Девочка проверила карман: «катапульта» была на месте.

– Меня зовут Мидори, – сказала она, словно это было гарантией защиты. – А вас как?

– Найт.

– Как «ночь» или как «рыцарь»? – удивилась Мидори.

– Решать тебе, потому что я ночной рыцарь – голос велосипедиста потеплел.

– Почему так темно?

– Я удивляюсь, почему темно не стало еще раньше. Кто в здравом уме тратит энергию на людей второго сорта?

– Не понимаю...

– Пока ликвидируют аварию наверху, Подземка будет ждать во мраке, – голос мужчины снова стал холодным и глухим.

– Как же найти дорогу?

Рикша снова громко фыркнул.

– Я как летучая мышь. Если страшно – пересаживайся за спину, будешь за меня держаться.

Девочка поспешила отказаться. Из-за темноты обратная дорога казалась еще дольше, и на этот раз группа людей попала им лишь единожды: остальных, видать, распугала тьма. Мидори подумала, что наверху поступили умно: бунтовать вслепую желающих мало.

– Кстати, ты уже отомщена, – задумчиво сказал рикша. – Машина заменяет калеке не только ноги, но и несколько органов, так что без них он протянет недолго.

Отыскав свою дверь, Мидори с ужасом осознала, что расплатиться с Найтом ей тоже нечем.

– Может, у вас есть сканер ладони? Мы можем приложить мамину, – сказала она у порога.

– В другой раз. Привет от брата Александра. Надеюсь, ты понимаешь, почему в ближайшие два дня высовывать нос из дома не следует, – сказал рикша и, вновь оказавшись в седле, с лязганьем растворился в непроглядной черноте.

Луч от фары какое-то время еще скользил по пустынной улице, но скоро и он исчез, как растворяется в морской пучине «фонарик» глубоководной рыбы.

Не зная, как толковать столь внезапное упоминание учителя, но радуясь ему про себя, Мидори на ощупь открыла ключом замок, достала из кармана свечу и подпалила зажигалкой фитиль. Мать лежала в такой же позе, в какой девочка её оставила – в шлеме, закрывавшем половину ее лица; давно не стриженные волосы свешивались с кресла до самого пола, походя на застывшие струи грязной воды. Тяжело вздохнув, Мидори поставила свечу в стакан, сняла со шприца колпачок и выпустила короткий фонтанчик иглой. Теперь не промах-

нуться бы с веной... Да полно трусить, такое ведь уже было! Поставила свечу поближе, развернула поудобнее руку, медленно выжала шприц до упора под едва теплую кожу, а затем, нажав кнопку «отсоединение» на шлеме, вызволила мамину голову. К счастью, сейчас для подключения достаточно было соприкосновения контактов на шлеме и нейропортах игрока; а ведь по рассказам матери, лет двадцать назад омниверс-навигаторы вставляли соединители себе в череп.

Нос Мидори уловил несвежий запах. Матери нужно было сменить одноразовое белье (такое носили все игроки, зависавшие в Омниверсе часами). Потом не помешает вздремнуть и самой: стоило оказаться дома, усталость навалилась на неё так, словно девочка не ездила по городу в коляске позади Найта, а носила кирпичи с одного конца города на другой. На всякий случай девочка позволила свече гореть, чтобы мама, проснувшись, не очутилась в непроглядной темноте. Да и самой спокойнее: впечатлений от проезда по обесточенным улицам ей хватит, наверное, до конца жизни.

Мидори знала, что когда мать выйдет из искусственного сна, ей захочется поспать по-настоящему. Она ляжет на матрас рядом с ней и, может быть, её обнимет. Это счастье стоило всех неприятных приключений. Девочка положила гудящую голову на мягкую поверхность матраса и подтянула колени к груди. Если включить воображение, можно представить, как её тело качает океан. Впрочем, ничего вообразить Мидори так и не успела; сознание погасло, стоило векам сомкнуться.

Она не знала, сколько часов провела во сне, но когда глаза открылись, перед ними не изменилось ничего: всё та же вязкая темнота, которая, того и гляди, растащит тебя на молекулы.

– Должно быть, сплю до сих пор, – пробормотала девочка и как следует ущипнула себя за ногу. Боль вспыхнула и погасла, но темноты не разогнала. Трепеща, Мидори протянула руку в сторону. Пусто.

Рядом с нею никто не лежал. Либо мать, проснувшись, сразу куда-то ушла, либо так и не встала. Дрожа и роняя на пол крупные слезы ужаса, Мидори заставила себя подняться и сделать несколько шагов по комнате, пока не уперлась в кресло. Мама по-прежнему была здесь. Ледяная и неестественно жесткая. Даже слабая пульсация под кожей – и та исчезла.

Поняв, что это значило, девочка иступленно, хрипло закричала – словно хотела взорвать барабанные перепонки ни много, ни мало – мерзкому получеловеку и его здоровяку-братцу, словно этот ужасный вой был единственным, что могло отогнать смерть. Но поздно: та успела унести самое дорогое.

Мидори выла, пока не сорвала голос. Она все еще надеялась, что провалилась в кошмарный сон, и пыталась себя оттуда вытащить. Что сейчас ее разбудит настоящая мама – живая, в отличие от этого чужого тела, на ощупь схожего с манекеном. Поняв, наконец, что этот ужасный морок ей не преодолеть, девочка на ощупь отыскала выдвижной ящик и достала новую свечу. Стараясь не смотреть в сторону злосчастного кресла, девочка добралась до выхода и выскочила на улицу, где с момента ее возвращения с лекарством ничего не изменилось. Все тот же колющий мрак, крысиная возня у самых ног и подозрительный шум над головой, в котором теперь отчетливо слышалась стрельба.

– Но так не должно быть!.. – доказывала она непонятно кому. – Я же старалась быть хорошей, я почти не трусила, я сделала все, что нужно, я даже вену нашла правильно!.. Так за что это, Господи?..

– Не «за что», а «для чего». На скорый ответ не надейся, – проговорил вдруг спокойный, теплый, а главное, знакомый голос.

Из мрака выступила высокая светловолосая фигура в длинном тёмно-сером пальто с опущенным капюшоном и окаймленным белой линией восьмиконечным крестом на рукаве. А пару секунд спустя она узнала лицо с мягкими ангельскими чертами, совершенно чужими здесь, на нижнем уровне, в обиталище «человеческих отбросов» – так в разговорах «за жизнь» люди нередко величали сами себя. Пухлые, почти женственные, губы, миндалевидные зеленые глаза, ангельская улыбка. Брат Александр казался воплощением миролюбия и красоты, но жутковатая байка о том, как его однажды пытались зарезать, и что стало с этими несчастными, ходила в Подземке уже несколько лет.

– Почему я жива, а она – нет? – спросила Мидори, задыхаясь от слез.

– Ты не сажала себе сердце, печень и почки несколько лет подряд. – Александр вдруг сел, чтоб быть с девочкой вровень. – И здесь неважно, насколько ты была смелой...

– Вам что – «ночной рыцарь» рассказал?

– Конечно. Мы в Братстве знаем друг о друге все.

– Потому-то платы он и не взял... – вздохнула девочка, вытирая слезы. – Что же мне делать, брат Александр?

– Во-первых, успокоиться. Ты же понимаешь, мама не умерла. Она перешла в другую форму. Даже вещи никогда не умирают окончательно, а уж люди – тем более. Во-вторых, тебе лучше пойти со мной.

– Куда?

– Наверх. И обещаю: солнце ты увидишь через пару дней. Ты и все, кто уверовал.

Девочка открыла рот, чтобы возразить, но брат Александр не дал ей такой возможности.

– Мидори, свет не включают. Воды в трубах больше нет, потому что насосы не работают. Канализация – сама чувствуешь, как здесь плохо пахнет. Лестницы наверх забиты людьми и завалены трупами. Скоро здесь будет одна большая могила.

– Но мама...

– Не бойся: крысы её не тронут...

Он зашел в комнату, позволив девочке осветить ему дорогу, и остановился перед останками молодой женщины. Медленно перекрестив покойницу своей большой рукой, он прошептал на латыни короткую молитву, и руки Мидори сложились на груди сами собой. Минутой позже, когда она в последний раз поцеловала мать, Александр заботливо накрыл тело лежав-

шим на матрасе покрывалом, достал из кармана пальто спрей-баллончик и, держа его в вытянутой руке, распылил содержимое на труп. Мидори зажмурилась. Две секунды спустя над покойницей вспыхнуло пламя.

Вестник из ниоткуда Велиард Рид. Декабрь 2142, Биостанция №7, Антарктида

Я опять падал во сне. Стремительно и неотвратно. И вновь проснулся в момент удара. Моё несуществующее сердце выбивало тревожную дробь... Я думал, что уже давно изжил старые страхи, связанные с памятью человеческой оболочки – но нет, жуть падения и переломанное тело матери по-прежнему всплывают в моих снах, как утопленники. Лучше буду, как раньше, загружать себе на ночь искусственные сны про первых колонистов Марса.

В реальности меня уже давно не пугает человеческая начинка – кровь, кишки, кости... Как можно бояться того, из чего состоишь сам? Всё равно, что копаться в системном блоке, делать брезгливую мину и восклицать: «Какой ужас!». Но сон – другое дело. В нём задействованы те участки сознания, которые не обманешь ни новым телом, ни новым образом мышления. Они нет-нет, да напомнят, что совсем недавно ты был рабом своей физиологии, комплексов и мелких амбиций.

На рассвете я вышел из коттеджа – проверить, как принялись сосновые саженцы сорта «Скади», который я вывел специально для посадки на оттаявших территориях. Убедившись, что в целом деревца чувствуют себя нормально, и добавив удобрений самым слабеньким, я отправился гулять по окрестностям биостанции, от которой по этим некогда мертвым краям распространяется жизнь.

Рассветы и закаты Антарктиды не переставали меня восхищать. Смотреть на них – это все равно, что слушать хорошо написанную симфонию: каждый раз обнаруживаешь что-то новое и заново удивляешься дивному сочетанию оттенков света, острым силуэтам фиолетовых гор, переливу льдов и багровым облакам причудливых форм. Особенно мне нравилось, когда пылающий диск, восходя из-за зубчатого горизонта, совпадал с почти идеально круглым отверстием Кольцо-горы, делая её похожей на портал в мир золотистого света.

Вот и сейчас, усевшись на столообразную, нависающую над обрывом глыбу, я любовался зрелищем вместе с дворняжкой Янкой, которую мне подарили друзья из «Крылатого Солнца». Вот в круглом проеме Кольцо-горы, на фоне золотистого света появилась летящая чёрная точка – сперва она была крохотной, едва различимой, но, приближаясь, увеличилась в размере так, что стали различимы машущие крылья. Объятый любопытством, я скомандовал своим искусственным глазам сделать пятикратное приближение: в этой глухомани адресатом или объектом наблюдения десмодуса могло быть лишь одно существо.

Уже четыре года как я передал управление семейной (никогда бы не сказал – своей) корпорацией «Наутилус» нанятым менеджерам и два года как официально, через суд, признан мертвым. Свидетельства моей трансформации (включая видеозапись изъятия мозга и заморозки тела) слила властям какая-то сволочь, и несмотря на то, что особый юридический статус получили даже обитатели Хранилищ Душ (хотя им, правда, не разрешается занимать руководящие посты и баллотироваться на выборах), решение было принято не в мою пользу. Не помог даже сеанс прямой голографической связи, во время которого я честно ответил на все вопросы. Моя «личиночная» оболочка без головного и спинного мозга была найдена следователями

в холодильной камере нашего экспериментального центра в Пасадене, и я жестоко пожалел, что не распорядился сразу же отправить её в печь.

Кстати, в базовом режиме я до сих похож на человека, пока на мне одежда. Полное копирование себя-прежнего в мои планы не входило, да и трансформация при этом оказалась бы невозможной. Но поначалу нужно было сделать так, чтобы люди воспринимали меня как своего. Поэтому лицо и волосы у меня весьма правдоподобные.

Единственным способом доказать, что я, пусть даже частично, принадлежу к биологическому миру и могу считаться человеком, было бы вернуться в Америку, предстать перед судом и позволить взять клетки мозга для анализа ДНК. Однако мои доверенные лица, как один, умоляли меня этого не делать, утверждая, что за пределами Антарктиды я долго не проживу. Трудно сказать, от кого опасности больше – от террористической секты Крестителей, сгубившей мою мать Сару Рид, или от Линдонов, которые в своем стремлении сожрать «Наутилус» не остановятся ни перед чем.

Была ещё одна причина, по которой я выбрал затворничество в Антарктиде – патологическое внимание прессы к каждому моему шагу и вздоху после того, как погибла мать. Пять лет спустя, когда на время превращения мне пришлось надолго исчезнуть, мы с помощниками загодя состряпали целую постановку с подставными лицами и фальшивыми доказательствами того, что я впал в депрессию, сел на стимуляторы и долго лежал в корпоративной психушке: видеозаписью моего двойника, с визгом гонящего по комнате одному ему видимое животное, кишели таблоиды от Аляски до Сиднея. А в человеческом мире туда, где ошиваются мелкие падальщики, быстро приходят твари покрупней...

И потому, заметив десмодус, я сперва подумал, что будет разумнее оставаться вне его обзора. Ни посылок, ни сообщений я на тот момент не ждал: Гелиополис оповестил бы меня об отправке беспилотника. Но крылатого вестника могли отправить и немногие верные мне сотрудники «Наутилуса», включая тех, кто в ходе слияния покинул свой пост. Кое-кто знал, как со мной связаться, и временами делился новостями. Однако после поглощения «Наутилуса» Линдонами общаться даже с этими людьми мне хотелось всё меньше – в том числе потому, что за ними могли следить.

Любопытство победило: я дождался крылатого гостя и выставил руку. Похлопав перепончатými, глянцево-черными крыльями, на которых играло бликами солнечное пламя, небольшой юркий робот вскарабкался мне на плечо и испуганно захрипел голосом Мрака – ту песню, что неизменно повергала меня в состояние, близкое к панике. А затем другой голос – самый любимый на Земле – велел мне искать укрытие под землей, добавив, что у меня на все про все меньше часа. И если то, о чем предупредила в послании Ви, вот-вот произойдёт, мы вряд ли увидимся вновь: она умрёт вместе с миром, который я до сих пор знал.

Прослушав сообщение, я во весь дух помчался домой. Активировал омниверс-камеру, чтоб оповестить об опасности «Крылатое Солнце» (поверят, нет – забота уже не моя), затем поговорил по спутниковой связи с бывшим помощником Ником Ковальским, который, как оказалось, плавал на яхте вокруг Новой Зеландии и довольно далеко ушёл в океан. Ника я расспросил о запасах провианта и теплых вещей на яхте и, оценив, как долго приятель сможет протянуть в автономном режиме, посоветовал ему отойти подальше от берега. Остаётся надеяться, что мои слова он воспринял всерьёз; в конце-концов, я всегда был изрядным занудой и шутить не умел.

Стараясь не думать о том, что может происходить сейчас на поверхности, я вскрыл лазерным ножом корпус гонца. Всё как я и подозревал: десмодус оборудован трекером, и вылетел он из Семи Ветров – роскошного города-курорта, где постоянного населения мало. Приехать туда и отправить мне послание мог хоть друг, хоть враг. Если верить словам зампреда «Крылатого солнца» Цзян Мэй – о том, что в организации никогда не состояла женщина по имени Вильгельмина Келлер, то все эти годы в Омниверсе рядом со мной был чей-то аватар или, хуже того, искусственный интеллект. Единственная Вильгельмина, когда-либо состоявшая в организации, носила фамилию Хейсс и давно была мертва. Но кто бы ни создал мою Ви, он «лепил» её именно с покойницы. Любовь к гитарной музыке – и та совпала. Знать бы, друг это или всё же враг.

Биостанция номер семь, построенная на мои средства и по моему проекту, находилась в ведении «Крылатого Солнца»: именно к этой организации мне пришлось себя приписать, чтобы получить разрешение на постройку объекта в Антарктиде. В те годы заселением и освоением южного континента руководила Организация Объединенных Наций, и председательствовал там СССР, традиционно относившийся к нашей семейной корпорации – «Наутилусу» – с большим недоверием. Русских было много и в «Крылатом Солнце», но эта организация сознательно выбрала независимость, пусть и формальную, от всех государств. Вернее, сотрудничество за деньги со всеми, кто готов предоставлять заказы, если они, конечно, не противоречили этическому кодексу. Ещё до «превращения» я нередко жертвовал им деньги в гелиокойнах, сопровождая эти переводы коротким зашифрованным посланием: «Чудеса не происходят сами». Эта фраза стала моим паролем для контакта с «Крылатым Солнцем», когда Вильгельмина надоумила меня с ним сотрудничать.

Но нельзя сказать, что в своём решении я опирался только на Ви. Идея вызревала не один год; после того, как подстроенное фанатиками крушение вертолёта лишило меня матери, а самого сделало калеккой, я всерьёз задумался о том, что не за горами планетарная катастрофа, которой человечеству каким-то чудом удавалось избегать в течение века. Я верил, что рано или поздно Крестители доберутся до ядерного или биологического оружия, чтобы предать человечество «очищающему огню» – пусть даже им самим придётся черным дымом подняться в небо, где их на самом деле не ждут.

Беспокоясь за свою жизнь, я стал искать место, где смог бы быть по-настоящему полезен – и как можно дальше от Линдонов. Боевого духа моей матери я не унаследовал ни процента. Разумеется, я мог уйти на одну из наших стационарных или мобильных подводных станций в качестве начальника какой-нибудь лаборатории, но жизнь в ограниченном пространстве под стометровым слоем воды меня тоже не привлекала. Этот вариант я не отмёл окончательно, а приберёг на крайний случай, не подозревая, насколько этот случай может оказаться коварным.

Снимать с десмодуса оставшиеся защиты пришлось долго. Время от времени я отвлекался на данные метеорологических датчиков, поступавшие через приемник на чип расширенной памяти. Я выяснил, что перед тем, как быть отправленным ко мне, робот исполнял в «Семи Ветрах» охранные функции и аэрофотосъемку моря и суши для каких-то повседневных городских нужд, получая энергию, как и большинство десмодусов, через фотоэлементы на крыльях. И нужно быть действительно высококлассным инженером, чтобы дистанционно перехватить и перепрограммировать беспилотник линдоновской сборки.

Начинается кое-что странное: индекс геомагнитного возмущения падает. Минус пятьдесят нанотесла за час опускается до минус ста. Наружные датчики словно взбесились, цифры скачут туда-сюда... Безумие какое-то... И через наружную камеру почти ничего не видно... Чертыхнувшись, включаю аналоговое радио, которое вручную смастерил в одну из бессонных ночей, разбуженный очередным кошмаром (в этот раз про ядерную войну).

Ловлю частоту «Крылатого Солнца»; сквозь непрерывное шипение еще можно разобрать разговор Гелиополиса с советским исследовательским судном; моряки уже порядком напуганы, но девушка из «крылатых» сохраняет спокойствие; она убеждает капитана подойти как можно ближе к берегу и поискать защиту для бортовой электроники. Но вот незадача: у гражданского судна такой защиты, скорее всего, нет. Затем в разговор вклинивается третья сторона – подводное судно «Наутилуса» «Селена», но уже через несколько секунд голоса тонут в беспощадном белом шуме, сначала превращаясь в отрывистые восклицания, а затем сменившись монотонным, бессмысленным и безжизненным шипением. Наконец, внешние датчики отключаются одни за другим.

Тишина, в которой я привык работать, теперь давит, как пресс. Уже сейчас, должно быть, на Землю дождём сыплются самолёты и спутники. В мегаполисах через несколько минут начнутся хаос и паника, особенно на самом нижнем уровне. Агония будет продлеваться, пока работают резервные генераторы, но когда все поймут, что задница наступила надолго, – рухнет всё, кроме армии; да я и насчёт нее, честно говоря, не уверен. Если всё правда, сотни тысяч погибнут в ближайшие дни... По-прежнему не верится. Не может мой разум этого принять, как не может помыслить реальных масштабов вселенной. Он продолжает отчаянно хвататься за допущение, что это жестокая провокация, нацеленная лично на меня.

Оставив развинченного робота лежать на столе, я спустился на второй уровень – осмотреть внутреннюю оранжерею, где собраны, помимо других, растения, которые в диком состоянии больше не растут – как, например, венерин башмачок или душистая ваниль. Многих зеленых друзей я назвал в честь героев любимых фильмов, книг и комиксов, и каждый новый бутон или побег – особенно у самых капризных – воспринимается как маленький семейный праздник. А сейчас повседневные действия – там обрезать больную ветку, здесь разобраться с плесенью, подрезать верхушку или внести в почву дождевых червей – обретают некую мрачную торжественность, словно я теперь хозяин нового Ковчега.

Затем я поставил таймер для пополнения кормушек своему зверью, выбрал искусственные сновидения, запросив встречу с девушкой, похожей на Ви, и погрузился в гибернацию на двое суток: нынешний организм позволяет мне поддерживать режим сна искусственно, хотя при низком уровне кислорода или глюкозы система разбудит меня автоматически, на какое бы время я бы ни выставил таймер. Убедившись, что животные за это время не набедокурили и все системы убежища функционируют нормально, я раскрыл голографический экран, лелея призрачную надежду прочесть метеосводку от «Крылатого Солнца». Данных нет.

Дверь наружу приходится отпирать и сдвигать вручную: дело нелегкое даже для меня. В просторном зале меня встречает забравшийся через форточку кот Тэо и настырно мяукает, ругаясь, что я забыл его снаружи. А нечего было удирать так далеко! Впрочем, коту я очень рад: он выглядит целым и невредимым, а значит, высшие формы жизни за пределами дома находиться могут. Внешне в коттедже ничего не изменилось: все тот же легкий беспорядок, оставшийся от спешных сборов. Только вот свет больше не включается, и термостат приказал долго жить. Радиационный фон для этих мест обычный – двадцать один микрорентген в час.

Посмотрим теперь, что происходит снаружи. Вместе с собакой Янкой мы идем на нашу любимую «смотровую площадку»: обычно, помимо Кольца-горы, оттуда видны, как на ладони, проходящие по Магистрале поезда – тонкие блестящие змейки на фоне камней и вулканического песка, а также бусинки шаттлов, которые курсируют в паузах между регулярными рейсами. Шаттлов не видно, но примерно в десять двадцать здесь должен проследовать поезд из Новолазаревской в Дюмон-Дюрвилль.

А пока поезда нет, я включаю модуль спутниковой связи и пытаюсь вызвать Гелиополис. Молчание. То же самое с Мирным. Снова пытаюсь связаться с Ником и затем – отбросив осторожность – со «Ньёрдом», вышедшим (вернее, эвакуированным) из «Наутилуса» незадолго до заключения договора о слиянии. К кому бы я ни обратился – сигнал отсутствует. Хотя надпочечников у меня нет и адреналину взяться неоткуда, клетки мозга заполняет ужас: впервые в моей жизни мир по-настоящему замолчал.

Десять часов, одиннадцать, пошёл двенадцатый. За это время – ни поезда, ни шаттла, ни даже дрезины. «Перекидываюсь» для удобного бега и устремляюсь узкой тропкой под уклон, в сторону Магистрала. Она лишь выглядит близкой отсюда: на самом деле, со всеми препятствиями – обрывами, нагромождениями камней, бурными ручьями, путь составляет шестьдесят три километра; на бегу я продолжаю посылать сигналы то одному, то другому адресату в пустой эфир. Возможно, все еще не так страшно – по крайней мере в «Наутилусе». Мы всегда стремились учитывать самые разные риски – от климатических катастроф до ядерной войны, которая после недавней марсианской революции вновь стала пугалом для старых и малых.

В своей «звероформе» я не уступаю ловкостью крупным кошкам, которыми был очарован с детства. Прыжок – и позади осталась пропасть четыре метра шириной. Ещё два – и я сократил себе дорогу в обход скалы. Попутно замечаю, что между камней пробиваются травы – косвенный результат моей работы. Нет, здесь я их не сажал: семена с биостанции занесли сюда ветер и птицы.

Два с лишним часа спустя я достиг ближайшего участка Магистрала, помеченного предупредительным знаком «Высокое напряжение». Первое, что меня удивило – гробовая тишина: перестали привычно гудеть рельсы. Подобравшись поближе, я понял, что они обесточены: этим и объяснялось отсутствие транспорта. Пробежав еще два километра к западу, я нашел кнопку аварийного вызова, но попытки с кем-нибудь связаться также ни к чему не привели.

Выбор был таков – дойти до Рэйлтауна – ближайшего ко мне города – и увидеть своими глазами, что происходит там, или вернуться на биостанцию и там дожидаться транспорта или хотя бы проводника из «Крылатого Солнца», который поможет мне попасть в Гелиополис: я был уверен, что ребята меня не бросят. Рассудив, что без «амброзии» или преобразователя на дальние расстояния лучше не уходить, я решил прихватить с биостанции пятидневный запас напитка.

Всю дорогу обратно я думал о Вильгельмине: как теперь узнать, что с ней случилось, если все спутники на орбите, наверное, вышли из строя? Если она электронная сущность – успела ли спастись? Если всё же человек – то где она и сможет ли выжить в мире, провалившемся теперь даже не в Средневековье, а в первобытный мрак? Обманула она меня или нет, сейчас уже не столь важно. Без неё мой самый главный орган, которым я, собственно, и являюсь, остался бы без кислорода и угас бы через пять минут; что на самом деле произошло –

я б и осознать не успел. Но возможно и то, что быть со мной она никогда по-настоящему не хотела – просто выполняла какую-то лишь ей известную задачу. И думать об этом по-прежнему больно – во плоти я или в другой оболочке.

Янка встретила меня визгливым лаем и запрыгала так, словно хотела цапнуть за локоть, но, как я уже успел узнать, ничего общего с игрой такое поведение не имело. Когда мы зашли в дом, она подвела меня к Тэо. Бедняге было из рук вон плохо: тельце тряслось мелкой дрожью, зрачки закрывали почти весь глаз, из пасти текли слюни. С большой осторожностью я взял кота на руки и перенес на его любимый коврик, затем несколько раз набрал в шприц воды и напоил его, прикидывая, чем же он мог отравиться. Терять его не хотелось: за время отшельничества на Седьмой биостанции «зоопарк» стал для меня семьёй.

Покидая биостанцию, я всегда запирали внутренний сад от собак и кошек, а вокруг дома ничего ядовитого не росло (если только ветра и птицы не занесли сюда семена откуда-то изда-лека). Причина, похоже, была проще: импульс, соизмеримый с импульсом от ядерного взрыва, нарушил нормальную работу нейронов, по которым передаются электромагнитные сигналы, просто последствия проявились не сразу. А значит, весь Рэйлтаун сейчас – один большой лазарет, и никто не знает, что делать. К несчастью, не знаю и я – разве что в каталоге моих растений отыщется что-то полезное. Буду сидеть здесь и дожидаться «Крылатых». Но как долго?..

Июнь 2136

Знакомство, сохранившее мне жизнь в день Блэкаута, произошло после моего «второго рождения», к которому наши исследования вели меня много лет. В те дни я был прикован к кровати в самом прямом смысле: удачное срастание спинного мозга с искусственными нейронами, приводящими в движение тело, и головного – с искусственными сенсорами и дополнительными модулями – требовало моей полной физической неподвижности при интенсивной интеллектуальной работе, порождающей новые нейронные связи. А мало что так стимулирует умственную деятельность, как прохождение высокоуровневых квестов в «Омниверсе» – вселенной, которую создала моя компания и в которой находилось место каждому – с его самыми смелыми фантазиями.

Местом своего виртуального пребывания я выбрал симулятор конца позапрошлого века: эпоха была уже цивилизованной, но куда более свободной, чем моя собственная. В этой реальности я был «солдатом удачи», воюющим с богом и чёртом в забытых местах, чтобы выполнить основное задание – накопить достаточно денег и выкупить дом, когда-то отобранный у нашей семьи за долги (полезно побывать в шкуре тех, кому в жизни повезло меньше). В редкие времена затишья я позволял себе зайти в прокуренный бар, пропустить стаканчик да почесать языком с какими-нибудь фриками.

Место, куда меня занесло в этот раз, располагалось в неприглядном портовом районе, занимая часть бывшего дока, стоящего у пахнущей мазутом и солью воды. Называлось оно «Пучина»: кто-то из наших омниверс-архитекторов явно с «Ньёрда» был.

У входа меня встретила неодобрительными взглядами кучка молодых людей в цепях и коже – по большей части с длинными волосами и массивными кольцами на пальцах. Некоторые из них носили на лице замысловатую черно-белую раскраску, которая, по их мнению, придавала образу агрессивности. За время своих недавних скитаний по горам и болотам я успел порядком обрасти, ничуть не горя желанием «приводить себя в порядок», и одет был, сообразно привычке ещё из реального мира, настолько неприметно, чтобы в любой момент «раствориться», поэтому через минуту-другую про меня забыли. Меня забавляло, как отчаянно стремятся выглядеть опасными самые обыкновенные юнцы, в то время как действительно опасный человек старается ничем не выделяться.

Убранством местечко не блистало: ремонт здесь не делали, должно быть, со времен президентства Джорджа Буша-старшего. На стенах красовались афиши старых фильмов ужасов, рваные рыбацкие сети и фальшивые черепа. Зал скупо освещался синими неоновыми лампами, придававшими лицам посетителей мертвецкий оттенок.

Музыку в «Пучине», как оказалось, играли специфическую – тяжелую, технически сложную и яростную, практически забытую в наши пресные дни. А вот тамошнего звукорежиссера давно следовало скормить морским гадам: кто бы ни выходил на сцену, звук получался из рук вон грязный: того, что пели вокалисты, я почти не понимал. Впрочем, понять их так и так было трудно, потому что по большей части они не пели даже, а рычали. Только прочитав разрисованную оккультными символами афишу, я вспомнил, что этот стиль называется «блэк-метал» и, взяв на баре стаканчик виски (хотя большинство здесь потягивало пиво), стал выпитывать очарование старины.

Большинство музыкантов были мужчинами – точнее сказать, молодыми парнями, вчерашними школьниками. Группа «Порождения склепа» (надо ж придумать такое название) оказалась в этом отношении исключением из правил: в её составе играли целых две девчонки, причем одна из них – неслыханное дело! – оказалась гитаристкой. Её инструмент своей формой напоминал наконечник стрелы. Лицо было покрыто сложным черно-белым рисунком и походило на ритуальную маску, под нижней губой красовался заточенный металлический шип, иссиня-черные волосы шлейфом спускались по спине, иногда соскальзывая на лицо, а кожаная одежда того же цвета отдаленно напоминала доспехи. Образ её, как и тревожные риффы, вылетающие из-под лёгких пальцев, одновременно и притягивал, и пугал.

Выводя свои адские трели, она смотрела не на зрителей, а словно в космическую пустоту на ином уровне бытия да время от времени – на гриф, по которому скользила туда-сюда её левая рука с короткими черными ноготками, в то время как хрупкий молоденький вокалист – с такой же раскраской на лице, но светлыми волосами – раздирал пространство вокруг себя леденящим кровь визгом и ревом, и даже безобидные слова, выпущенные в воздух таким голосом, воспринимались как смертный приговор. Одна из песен была о том, как Солнце разрастётся до чудовищных размеров, выжжет все живое на Земле и накроет её волной огня. Неприятный холодок заполз под футболку и заставил немедленно глотнуть из стакана: парень пел про самый большой страх моего детства.

На барабанах и второй гитаре тоже были парни, на басу играла высокая и болезненно худая девица, но мне они запомнились плохо. Вся эта яростно играющая и крутящая волосами «мельницу» пятерка могла в реальности состоять из древних старичков и старушек, чьи родители и старшие братья такое ещё помнили, либо скучающих домохозяек, нашедших отдушину в экстремальной музыке и жутком имидже. Помня об этом, я не торопился пускать слюни на гитаристку, но продолжал внимательно слушать. Она, должно быть, спустила целое состояние на прокачку навыка игры. Если только не училась сама.

Когда группа отыграла сет и собрала инструменты, девушка подошла ко мне сама. Тогда я верил, что она просто заметила мой интерес ещё со сцены, хоть и не понимал, как это возможно – исполнять сложнейшие соло, да еще и следить за каким-то мужиком в зале. Не спрашивая разрешения, она взяла стакан, на дне которого полыхало янтарём виски, и прикончила его одним долгим глотком, оставив на стекле густую и черную, как нефть, помаду. Жест, который смотрелся бы вульгарным в исполнении любой другой девушки, выглядел теперь на удивление изящным, но всё-таки я возмутился.

- Тебя манерам не учили, что ли?
- Я сама учусь, если считаю нужным. Кстати, спасибо: пошло у тебя что надо.
- Пошло здесь у всех. Почему ты выбрала меня?
- Во-первых, ты пьёшь виски, а я его тоже люблю. Во-вторых, мне показалось, что я тебе нравлюсь. Если ошиблась – извини.

С этими словами она поставила стакан на барную стойку, вернулась к товарищам по группе и ушла с ними за сцену, даже не кивнув на прощание. Пожав плечами, я вывалился из клуба на тёмную дождливую набережную и полчаса шел вдоль ворчащего моря, и все это время несколько секунд нашего короткого сближения зафиксированной записью проигрывались в моей голове.

Даже дома, в обшарпанной студии на четвёртом этаже старого кирпичного здания, где меня ждала только ручная крыса, мысли о ней не давали мне покоя, как попавший в ботинок мелкий камушек. Может, это был знак того, что пора бы завести роман хотя бы в сети?

На следующий вечер я вернулся в «Пучину» и поспрашивал там о «Порождениях склепа», представившись агентом звукозаписывающей студии. Девушка, как выяснилось, называла себя Ви (как я тогда решил – по аналогии со своей гитарой Flying V), и это было всё, что о ней знал администратор, в основном общавшийся с вокалистом, которого звали Мрак.

Следующий концерт «Порождений» ожидался только через три недели. А три недели здесь значило столько же, сколько и в реальном мире. За отдельную, и очень высокую, плату ты мог попасть в зону, называемую «замедлителем»: одна минута там была равна шести часам во всех остальных мирах, но на реальность это, понятное дело, никак не влияло. Там проходили те же три недели, а значит, к этому времени меня успели бы разбудить. А там будет не до флирта.

Решив поразмыслить над вопросом во время променада по набережной, я повернулся к выходу и увидел заходящую внутрь фигурку; крепкий морской ветер с улицы подталкивал её в спину и трепал длинные волосы. Лицо я разглядел три шага спустя; на нём больше не было жутковатого грима (если не считать чёрной помады), но эти голубые глаза и изгиб бровей запечатлелись в моей памяти как на фотоснимке. Гитара тоже была при девушке – в чехле за плечами.

– Ты везунчик, Ви, тебя тут джентльмен с предложением контракта ищет! – сказал ей администратор – толстый мужик с проколотых в десятке мест лицом. То ли низкоуровневый игрок, то ли неигровой персонаж. – Ты зачем сегодня здесь?

– Как это зачем? – ответила девушка так сурово, что парень понял цель визита без пояснений.

– А что Мрак?

– Мрак ушёл в реал и прислал за гонораром меня.

– Ладно. Идем-ка со мной!

– Это ты жди здесь! – велела Ви; в её голосе не осталось ни грамма вчерашней игривости.

Вместе с администратором они скрылись в недрах клуба.

До этого пять минут казались мне такими длинными лишь на войне, в засаде или в ожидании атаки; чтобы успокоиться, я взял на баре темного пива. Здесь напитки действуют на мозг почти как дома: опьянение он «дорисовывает» сам, обращаясь к предыдущему опыту общения со спиртным.

Вернувшись, Ви взяла меня за рукав и оттащила вглубь зала.

– Ты, блин, кто? Следишь за мной, что ли? – прошипела она.

– Я Велиард, – назвал я свое виртуальное имя. – И вообще-то, ты первая подошла, а я лишь подумал, что общение можно продолжить. В чём проблема?

– В психах! Был тут один, тоже поклонником заявлялся, таскался за мной, как тень, а в результате чуть вирусом не шарханул: сдохла бы ни за что, – горько сказала Ви.

– Вирусом? – не поверил я. – Ты важная птица, если на тебя охотится хакер.

– Я б не сказала. Мы с ребятами еле-еле денег на студию наскребли.

– Кто-то знает, что вы достойны большего, и спешит убрать конкурентов. И если мое внимание тебе в тягость, я рад, что взглянул на твоё настоящее лицо...

– Оба мои лица – настоящие.

– Могу пообещать, что беспокоить тебя не стану, – сказал я, шагнув в сторону выхода.

– Нет, стой! – сказала она тихо, но твёрдо. – Поговорим по дороге!

– По дороге куда?

– К Мраку в гараж, где мы с группой репетируем. Путь неблизкий, а одной страшновато.

Шла сюда – всю дорогу озиралась... Ты же не против?

Чувствую, с этой Ви не соскучишься. Так ли она импульсивна в реальной жизни? Впрочем, негласное правило «Омниверса» – пореже вспоминать о том, что лежит за его пределами.

– А вдруг я тоже по твою душу? Ты ведь сначала так и подумала...

– Почему-то я тебе верю.

Я протянул Ви руку; девушка хоть и с опаской, но взяла её. Как непохожа она была на похотливых девиц в микроплатьях, для которых случайный секс в «Омниверсе» – это единственный шанс хоть какого-то секса. Впрочем, далеко не все из них – действительно девицы...

Дальше мы пошли не по набережной, а повернули в сторону центра, шагая по узкой улочке меж складских зданий и рыбных таверен. Запах жареной рыбы «Омниверсом» не создавался: он возникал в мозгу автоматически – как и опьянение.

– Гитара не тяжёлая? – спросил я, пытаюсь вести себя настолько галантно, насколько вообще мог человек с моим опытом взаимодействия с дамами.

– Это часть меня, – сказала девушка, метнув предупреждающий взгляд. – Такая важная, что её никому нельзя ее касаться.

– Откроешь тайну – как заработала навик?

– В школе.

– Учишься, значит? – удивился я. На моей памяти все дети и подростки «Омниверса» были неигровыми персонажами, которых искусственный интеллект создавал сам. В самом деле, кто по доброй воле снова станет чьей-то бесправной собственностью?

– Угадал, – сказала Ви, словно не видела в этом ничего особенного. – Но я не здешнюю школу имею в виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.